

ВАДИМ ПАНОВ

КОСТРЫ
НА АЛТАРЯХ



• АНКЛАВЫ •

Анклавы

Вадим Панов

Костры на алтарях

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2007

Панов В. Ю.

Костры на алтарях / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2007 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-25283-1

Мир Анклавов рационален до мозга костей: компьютеры и информационные технологии насквозь пронизали все сферы жизни, успехи генной инженерии достигли небывалых и даже пугающих высот, а сверхскоростные транспортные системы в корне изменили понятия о расстоянии. Однако именно в этом мире разгорелась битва за обладание рукописью одного из последних представителей древней Традиции, само существование которого напрочь опровергало все законы материализма. В ожесточенной схватке сошлись храмовники Мутабор и высшие иерархи Католического Вуду, китайцы и европейцы, опытные сетевые ломщики и просто бандиты. Обладание таинственной книгой сулило победу в вечной битве за неоцифрованные даже в эпоху всепобеда Цифры человеческие души. И в пропитанном виртуальностью мире вновь полилась реальная кровь.

ISBN 978-5-699-25283-1

© Панов В. Ю., 2007

© Эксмо, 2007

© Панов Вадим, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Панов

Костры на алтарях

Пролог

За два года до описываемых событий

Анклав: Сингапур

Территория: Центральный Бизнес-Округ

Территория: Мутабор-холл

Поиски истины требуют терпения и внимательности

Вечер в «Европейском» салоне одного из самых лучших отелей Сингапура – «Pan Pacific» протекал по традиционному, давным-давно сложившемуся сценарию, приятному для гостей, удобному для хозяев. В обширном, с высокими потолками помещении, украшенном подлинниками флорентийских мастеров, собралось около сорока человек. Мужчины – преимущественно в смокингах, женщины – преимущественно в платьях. Не обязательно в вечерних, но тем не менее – платьях. Неписанные правила не рекомендовали гостям отеля облачаться для выхода в салон в деловые костюмы. На диванах и в креслах шли неспешные разговоры, где-то о бизнесе, где-то о политике, где-то о на шумевших театральных постановках. Незаметные официанты разносили напитки, рыбацкой джонкой вертелся главный менеджер «Pan Pacific», лично приветствуя дорогих постояльцев, а слух гостей улаждала негромкая мелодия, ее отголоски долетали даже до открытой террасы, в которую плавно переходил салон.

Стояла редкая для морского города безветренная погода, и даже на высоте тридцатого этажа воздух оставался на удивление спокойным.

– Вы позволите?

Все выставленные на террасу кресла были заняты, и лишь в самом дальнем углу, у небольшого столика, за которым сидел бритый наголо старик в старомодном черном костюме, оказалось свободное место. Именно к нему подошла высокая рыжеволосая женщина, появившаяся в салоне без спутников и уже успевшая отделаться от менеджера «Pan Pacific». В руке она держала бокал с коктейлем.

– Мне хочется подышать свежим воздухом.

– Как я могу возражать, мадам? – Старик поднялся на ноги и учтиво склонил голову: – Хасим Банум, мадам, к вашим услугам.

– Лина Томпсон. – Женщина опустилась в кресло.

– Очень приятно. – Банум вновь присел. – Вы из Америки?

Вопрос был задан с приличествующей случаю вежливостью: старик явно не испытывал потребности в общении, но воспитание не позволило ему проигнорировать появление соседки.

– Приехала по делам из Анклава Сиэтл. А вы?

– Из Европы, – коротко ответил Хасим. – Я путешествую.

– Просто так?

– Определенная цель присутствует, – не стал скрывать Банум. – Я веду уединенный образ жизни, однако раз в несколько лет покидаю дом, изучая произошедшие в мире изменения.

– Какие именно?

– Наиболее интересные.

– Весьма расплывчато. – Американка поднесла к губам бокал.

– Я человек широких взглядов, – улыбнулся старик.

– Вы ученый?

– В какой-то мере – да. Но академическая карьера меня не прельщает, я веду изыскания с целью удовлетворения собственного любопытства. Мне интересно наблюдать за происходящими в мире процессами и размышлять, куда они нас заведут.

– Для чего?

– Удовлетворяю свое любопытство, – повторил старик.

– Завидую, – вздохнула Томпсон. – В наши дни мало кто может себе позволить жить так, как хочется. У большинства есть дела и обязательства.

– Не соглашусь насчет немногих, – тут же отозвался Банум. – Вы, насколько я понимаю, принадлежите к высшим слоям общества?

– Обычные люди в этом салоне не появляются.

Фраза прозвучала с легким высокомерием: американка выразила удивление сомнениям собеседника.

– В таком случае, вы видели множество людей, которые могут себе позволить жить так, как им хочется. К сожалению, хочется им не так уж и много: роскошь, развлечения, наркотики...

– В вашей жизни этого не было?

– Когда-то я не отказывал себе в удовольствиях, – признался старик.

– Тогда почему вы обвиняете других?

– Ни в коем случае! – Банум выставил перед собой руки ладонями вперед, и Лина впервые с начала разговора обратила внимание на то, что кисти скрыты тонкими черными перчатками. – Молодость дается только раз, ее надо прожить широко, тем более когда есть возможность. Но возникает вопрос: что дальше? Я видел и сорокалетних и даже пятидесятилетних «мальчиков», продолжающих бездумно транжирить унаследованные состояния.

– Такое случается, – подтвердила Томпсон.

– Но в большинстве своем отгулявшая «золотая молодежь» бодро идет по стопам родителей, занимая их кабинеты и кресла.

– Что в этом плохого? – Американка поставила опустевший бокал на столик – его тут же подхватил официант – и удивленно посмотрела на старика. – Я унаследовала дело отца и теперь являюсь председателем совета директоров корпорации. Пусть и небольшой корпорации, но...

– А кем вы хотели быть в юности? Председателем совета директоров?

– Еще коктейль, мадам?

– Да.

Банум, предпочитающий красное сухое, сделал маленький глоток вина, продолжая вопросительно смотреть на собеседницу.

– Именно это я и имела в виду, когда говорила об обязательствах, что накладывает на нас жизнь, – твердо ответила Лина. – Я должна была встать во главе корпорации.

– Кому должны?

– Отцу, детям... – протянула Томпсон. – В конце концов, тем людям, которые на нас... на меня работают.

– Почему вы считаете, что под вашим руководством им хорошо?

– Потому что я умею вести дела!

– Так кем вы мечтали стать в юности?

– Не ваше дело!

Лина отвернулась, приняла из рук официанта бокал с коктейлем и сделала большой глоток.

Ветер постепенно усиливался, пробирался под одежду, гости покидали террасу, и ей захотелось пересест на освободившееся кресло, подальше от несносного старика. Но воспитание, воспитание...

– Жизнь в Китае отличается от уклада, принятого в Исламском Союзе или Омарском эмирате, – негромко произнес Банум. – В Индии или странах Католического Вуду она течет совсем иначе, чем в Анклавах. Но везде, я подчеркиваю – везде, постепенно формируется система, близкая к кастовой. Истории о том, как честолюбивый молодой человек сумел подняться в высшие слои общества, выглядят правдиво лишь в телесериалах. Получать хорошее образование – долго и дорого, в результате подавляющее большинство людей остается внизу, на уровне, который определен их примитивными знаниями.

– Вы бы хотели, чтобы каждый человек на Земле владел личной транснациональной корпорацией? – язвительно осведомилась Томпсон.

– Я наблюдатель, – пожал плечами Банум. – Я ничего не хочу: ни мира для всех, ни войны. Не обижайтесь, Лина, но мне плевать и на верхолазов, и на работяг. Я поделился наблюдениями, полагая, что они вам интересны. Я ошибся?

– Нет, – буркнула американка. – Признаюсь честно: выходя на террасу, я хотела отдохнуть после напряженного дня, но... беседа меня увлекла.

– Спасибо. – Старик задумчиво посмотрел на стремительно наползающие облака. – Не считите меня ретроградом, но по сравнению с нынешним положением дел классическая дворянская система давала обществу гораздо больше плюсов. Титул наследовал старший сын, а остальным детям приходилось добиваться всего самостоятельно. Кто-то удачно женился, кто-то шел в армию, кто-то искал себя в других сферах. У меня есть теория, что научный расцвет, случившийся в девятнадцатом веке, порожден именно этим обстоятельством: множество молодых, образованных и честолюбивых людей искали себя вне пределов своего круга. У них не было возможности сесть в родительское кресло, а потому приходилось работать. В том числе – исполнять юношеские мечты.

– Одно из ваших наблюдений?

– Один из моих выводов, Лина, один из моих выводов. Сын ученого не обязательно станет гением, дочь бизнесмена не всегда хорошо разбирается в делах. Разбитое на касты, лишенное притока свежей крови общество обязательно останавливается в своем движении. Сын верхолаза становится верхолазом, сын лавочника – лавочником, сын мусорщика – мусорщиком. Люди делают то, что должны, не понимая, что должны они делать то, к чему лежит душа.

Он не сказал ей ни одного дурного слова, но Томпсон почувствовала себя оскорбленной.

«Я не разбираюсь в бизнесе?!»

Однако воспитание не позволило американке вспылить. Она допила коктейль и холодно поинтересовалась:

– Что вы ищете в Сингапуре?

– В этом Анклаве, насколько мне известно, скоро произойдут интересные события, – любезно ответил Банум.

Ветер еще не успел унести его слова, как небо над ночным Сингапуром осветило зарево мощного взрыва. Он прозвучал далеко за пределами Центрального Бизнес-Округа, звук не долетел до террасы, однако вспышка напомнила дорогим гостям «Pan Pacific» о некоторых аспектах повседневной жизни Анклавов.

– Все знают, что здесь будет бунт, – вздохнула Томпсон.

– Вы приехали, потому что беспокоитесь о вложениях?

– А вы, чтобы посмотреть?

– Да, – улыбнулся старик.

– Так кто из нас хуже?

Банум покачал головой:

– Лина, разве я обвинял вас в чем-то? Мы оба такие, какие есть. Позвольте угостить вас коктейлем, и давайте вместе посмотрим на город. Что-то мне подсказывает, что взрыв, который мы с вами только что наблюдали, – не последний.

Впоследствии, анализируя события, приведшие к беспрецедентному событию – захвату сингапурского филиала Мутабор, военные эксперты особенно подчеркивали два обстоятельства. Во-первых, крупномасштабные столкновения, вспыхнувшие между малайцами и китайцами и оттянувшие на себя значительные силы СБА. Обычно храмовники сами защищали свои территории, однако Мутабор имел статус транснациональной корпорации, Служба обязана была оказать помощь, но из-за беспорядков подразделения СБА прибыли со значительным опозданием, когда здание уже горело. Во-вторых, военные кивали на крайне неудачное расположение филиала. Мутабор всегда держался особняком, контролировал довольно большие зоны в каждом Анклаве, а вот в Сингапуре, остро страдающем от нехватки земли, ограничился всего одним кварталом, расположенным как раз у южной границы малайской и китайской территорий. И тот факт, что его коснулись беспорядки, не вызвал ни у кого удивления.

Однако никто из экспертов, во всяком случае – официально, не признал, что захват храмового комплекса был спланирован и проведен на высоком уровне. Мутабор-холл атаковали не толпы погромщиков – с бунтарями прятки разобрались бы без особого труда, – а профессионалы. Дом-квартал Мутабор представлял собой единое строение – атаковали с четырех сторон одновременно. Стены проламывали тяжелыми бульдозерами, затем внутрь врываются бойцы, а уж за ними – толпа погромщиков. Немногочисленные прятки, о боевых качествах которых по миру ходили только восторженные отзывы, оказались бессильными против массированного вторжения. Они сумели задержать нападавших, позволив храмовникам запустить механизм самоуничтожения наиболее важных объектов, а затем организовали прорыв, увели людей на корпоративную территорию, оставив горящий филиал во власти погромщиков.

– Как в пещере Али-Бабы, да?

Тай был невысок, худощав и... опытен. Очень опытен. Он вырос на улицах Бангкока, стал бандитом, служил в специальном армейском подразделении, снова вернулся в опасные кварталы, сумев пройти путь от уличного убийцы до лидера довольно крупной организации. Он видел много крови, знал свою силу – немаленькую силу, но старика боялся до колик. Отчетливо боялся, бессознательно демонстрируя это и жестами, и мимикой, и тембром голоса. И шутка его прозвучала вымученно.

– Неудачное сравнение, – ответил Банум, внимательно разглядывая разложенные вокруг сокровища. – Если верить сказкам, коллекция разбойников состояла из целых вещей, вы же предлагаете остатки... точнее, останки.

Несколько разбитых компьютеров (Тай уверял, что жесткие диски не повреждены), пять или шесть образцов тканей в пластиковых контейнерах с непонятными маркировками, несколько лабораторных журналов, которые Банум пролистал без особого интереса, несколько колб с жидкостями, которые старик не преминул понюхать, – вот, собственно, и все, что удалось вынести из филиала Мутабор.

– У храмовников был план на случай вторжения, – пробормотал Тай. – Они сожгли и взорвали большую часть помещений. Мои ребята вынесли эти предметы, рискуя жизнями.

– За это вам платят.

«Не вы», – хотел сказать Тай, но прикусил язык.

Да, платил ему не старик, а корпорация. Хитрецы из «Фарма 1» решили воспользоваться назревающим в Сингапуре бунтом, чтобы добраться до секретов Мутабор – обычный для Анклавов случай промышленного шпионажа. Каперы наняли банду Тая, щедро заплатили за услуги, но... первым собранные трофеи изучал Банум. Хмурый старик нашел Тая два дня назад и сделал предложение, от которого тот не смог отказаться. Тай до сих пор не мог понять, как Банум проведал о его роли в деле, как смог отыскать его, укрывшегося перед операцией в надежнейшем месте, и как ему одному – одному! – удалось перебить пятерых телохранителей.

Но Тай не искал ответов. Он был опытен и знал, когда нужно уступить. Он принял предложение старика, выложил ему добычу, а представители «Фарма 1»... представители «Фарма 1» приедут в «пещеру Али-Бабы» через час. Заберут то, что останется.

– Что это такое? – Банум взял в руки два обгоревших листа бумаги и медленно прочел напечатанный латиницей текст: – «Авва марда Авва. Куар...»

– Нашли в одном из помещений, – торопливо объяснил бандит. – Там все горело, но в окно залетела граната, и взрывной волной листочки вынесло в коридор. Я заметил и взял.

– Вы молодец, Тай.

– Спасибо.

Таким вежливым бандит был только в далекой юности.

– Я возьму их. – Банум аккуратно положил листочки в твердую пластиковую папку. – И заплачу вам... двадцать тысяч юаней.

– Спасибо, – еще раз поклонился Тай, который никак не рассчитывал на вознаграждение – живым бы остаться. И уточнил: – Возьмете только их?

Ведь нужно что-нибудь показать каперам...

– Любой, кто хотя бы поверхностно знаком с принципами Мутабор, знает, что храмовники не хранят важную информацию в обычных компьютерах, – усмехнулся Банум. – Лабораторные образцы меня тоже не интересуют, в отличие от «Фарма 1» меня не прельщают промышленные секреты. Я хочу знать, что есть Мутабор, а не что он умеет.

– Зачем?

Таю не следовало задавать этот вопрос, но он не сдержался. Уж больно неожиданно прозвучали слова старика.

«Не интересуешься промышленными секретами?»

Банум помолчал, то ли подбирая слова, то ли обдумывая, не послать ли задавшего вопрос бандита подальше, а затем, улыбнувшись, с видом человека, отыскавшего оригинальный ответ, произнес:

– Я пишу книгу, мой друг, пишу книгу...

Человек должен верить.

Не быть уверенным в доказательствах, собранных в трактатах ученых мужей, а именно верить.

Знание рационально, его стихия – материальный мир, подчиняющийся сложным, но объяснимым законам, овладеть которыми способен любой, проявивший некоторое усердие человек. Знание – выверенная последовательность действий и холодный расчет. А вера дарит надежду. В том числе – на несбыточное. Знание укажет твое место на круглой Земле, а вера позволит слиться со всей Вселенной. Знание отщелкивает время безразличными стрелками часов, а вера открывает путь к вечности. Знание опирается на неопровержимые факты, льется со страниц учебников и научных журналов. Вера же прячется в душе, и единственное доказательство ее силы – твоя крепость.

Перспектива и надежда, песчинка и Вселенная, секунда и вечность, факты и убежденность, разум и душа. Откажись от надежды – и тебя проглотят серые будни, превратят в шестеренку, в тупого голема, вся жизнь которого – работа и развлечения. Забудь о разуме – и потеряешь фундамент, мир потускнеет, сузившись до размера догм.

Человек обязан знать.

Человек не может не верить.

Человек раскалывает атом, строит километровые небоскребы, летит на Луну и... И вчитывается в строки, написанные за тысячи лет до его

рождения, в строки, в которых таится ключ к его душе. Строки, в которых сосредоточена мудрость его Традиции.

Путь любого учения, овладевшего душами миллионов, одинаков. Сначала Слово, книга или предание, способные достигать до людских сердец. Идеи, которым предстоит стать окаменевшими догмами, но пока еще бурлящие живостью и силой. Затем – долгое становление. Не обязательно только мечом, не всегда только словом. Человек – хищник, а хищника можно убедить, лишь продемонстрировав силу. Силу духа и силу стали. Любая Традиция должна пройти испытание на прочность, в противном случае она зачахнет, отомрет, подобно лишенной воды лозе, исчезнет, не оставив после себя ничего, даже памяти. Ведь слова, даже те, что коснулись сердца, это всего лишь слова...

Но вот преодолены трудности, повержены враги, и наступает период расцвета, эпоха величия и лавровых венков. Миллионы адептов не ставят под сомнение основополагающие постулаты, верят искренне, всей душой, готовы умереть ради слов, слившихся с их сердцами. Хранители ревностно берегут покой Традиции, без колебаний вытаптывая сорную траву, защищая свое право быть Истиной в последней инстанции. Сколь долго будет продолжаться период расцвета, зависит от многих причин. Вместо героев приходят хитрецы, величие и гордость подменяются самолюбованием, обряды становятся рутиной, привычкой, теряется их глубинный смысл, и когда появляется новое – дерзкое, бурлящее и сильное, оно кажется притягательным. Ведь новое еще не окаменело, оно еще живое...

Люди ошибаются, полагая, что испытание на прочность Традиции проходят лишь во время становления. Люди слабы, и блестящие игрушки современности всегда будут казаться им более привлекательными, нежели древние, «ограничивающие личность» правила.

Именно поэтому я с таким интересом исследую феномен нейкизма – учения, порожденного «блестящими игрушками современности». Слово, пришедшее из материального мира. Попытка создать религию, опираясь на факты и доказательства.

Можно ли рассматривать учение машинистов как Традицию или, учитывая незначительность времени, прошедшего с момента появления «Чисел Праведности», как зарождающуюся Традицию?

Детальный анализ «Чисел Праведности» показывает, что Эммануэль Мария Нейк хорошо изучила опыт становления существующих Традиций и создала книгу, способную заложить основы полноценного учения, весьма и весьма интересного современному человеку. Учения, ставшего порождением материального мира, а потому понятного каждому. Люди знают, что такое компьютер, сеть, программное обеспечение, легко увязывают все это в глобальное понятие «Цифра», оглядываются вокруг, видят, сколь глубоко проникла она в привычный мир, и задаются вопросом: «Где место Человека?» Нейк дает ответ: в слиянии. Нейк дает ответ: мы изменили мир и не должны бояться управлять им. Блестящие игрушки обретают сакральную силу и тянутся к душам. Не Слово лежит в основе нейкизма, но холодное железо, творение рук человеческих, инструмент.

Материальный мир предлагает верить в то, что можно только использовать. Обожествить лопату или микроскоп. Вам кажется это

странным? На самом деле это естественно, ибо материальный мир неспособен предложить ничего другого.

Вся история человечества рассматривается нейкистами как необходимый, но темный, ужасающий период. Тысячелетия, в течение которых люди приближались к созданию первого компьютера, в интерпретации Поэтессы являют собой время безусловного варварства. *Homo sapiens* в полном смысле этого слова, по мнению нейкистов, явился лишь в Эпоху Цифры. Но и его судьба будет короткой, очень скоро ему предстоит уступить место новому человеку, называть которого, судя по всему, станут *Homo arifmeticus*. Нейкисты согласны с тем, что именно человек создал Эпоху Цифры, но в уважении, которое они выказывают людям прошлого, есть доля лукавства. В нем сквозит снисходительность инфантильных юнцов, искренне надеющихся обойтись без родительских советов. Обожествляя средства связи, нейкисты отказываются использовать накопленный за тысячелетия опыт нематериального мира, отказываются от Слова, объявляют мракобесами и лжецами всех, чьи действия невозможно просчитать на компьютере. И это отнюдь не недостаток, как поспешили заявить критики «Чисел», это системная ошибка.

Это разница между материальным миром Цифры и миром Слова.

Прошлое для нейкистов – это собрание достоверных и не очень фактов, подкрепленных археологическими изысканиями. Это массив информации. Прошлое для нормального человека – это чувства. Он может забыть, в какой день недели впервые влюбился, но никогда не забудет своих эмоций. Он не скажет, кто именно спланировал битву на Курской дуге, но помнит о ней и гордится своими предками. Отрицание прошлого – не очернение, не выборочное использование в своих интересах, а именно отрицание – еще никому не помогло.

Несомненно привлекательным покажется современному человеку основной постулат «Чисел Праведности»: возможность возвыситься благодаря уму и способностям. Поэтесса уверяет, что любой нейкист способен достичь статуса Бога.

Обманывает? Не совсем. Просто использует сильные слова для обозначения простых вещей.

Тщательно изучив истории компьютерных войн, я обнаружил примеры странных, необъяснимых с рациональной точки зрения, успешных атак на самые защищенные сети современности. Я слышал истории о ломщиках, способных вставлять в «балалайки» «поплавки» и разгонять их до максимальных скоростей. О ломщиках, умеющих переносить свое сознание в сеть.

Статус Бога?

Но тогда при чем здесь «синдин», укол которого является обязательным условием «переноса сознания»? Зачем нужен знаменитый наркотик ломщиков? И почему Эммануэль Мария Нейк написала свою книгу после появления «синдина», а не до? Уж не потому ли, что настоящая Эпоха Цифры началась не с первого компьютера, а именно с «синдина»? Кстати, до сих пор неизвестно, действительно ли его разработал Мутабор. Как мы знаем, храмовники упорно отрециваются от этих лавров.

Заявляя, что любой человек способен достичь уровня Бога и предъявляя в качестве доказательства группу обколотых «синдином» ломщиков,

нейкисты не просто выставляют себя на посмеище, но и допускают еще одну системную ошибку.

Если Бога можно создать, если его уровня можно достичь, то это уже не религия. Это компьютерная игра.

Нейкизм – переполненное системными ошибками порождение материального мира. Любой уважающий себя машинист читал «Числа Праведности», но Библией она стала не для всех. Книга Поэтессы приятно щекочет самолюбие машинистов, уверяя их в собственной значимости, если не сказать – избранности, но не более того. Люди душой чувствуют Слово, настоящее Слово, и не ощущают ничего сакрального в холодном железе, а потому многие чтящие «Числа Праведности» машинисты ходят по воскресеньям в церковь или расстилают молитвенный коврик пять раз в день. Тем не менее идеи Поэтессы обладают притягательной силой, они востребованы современным миром, и я буду удивлен, если рано или поздно не придут люди, которые захотят сформировать на их базе полноценную организацию. Возможно, появится и тот, кто попытается избавить нейкизм от системных ошибок, и именно тогда можно будет говорить о начале становления новой Традиции.

*И именно тогда мне придется переписать эту главу.
книга Урзака*

Часть 1

Территория: Европейский Исламский Союз

Штутгарт, Баварский султанат

В жизни любого человека есть место небольшим приключениям

Дом, как и предсказывал Сорок Два, оказался не таким простым, каким выглядел со стороны, каким представлялся рядовому прохожему, завернувшему по своим делам в христианскую часть Штутгарта. Что можно увидеть с улицы? Четырехэтажное здание фисташкового цвета, построенное давным-давно, еще в двадцатом веке, и пару раз отреставрированное. Глобальным переделкам дом не подвергался, ремонтировали его по мелочам: штукатурку обновили, двери, когда-то выходившие на улицу, заложили наглухо, оставив только один вход – со двора, окна новые вставили, более надежные, да ворота в арке установили крепкие, из сплошного титапласта. Вот, собственно, и все. Стандартный набор модификаций, призванных защитить жилье от мелкого жулья и ерундовых уличных беспорядков – без применения сторонами гранатометов или «ревунов». Посмотришь на такое строение и решишь, что обитатели дома – люди или небогатые, или прижимистые, причем, скорее, первое: богачи в этом квартале не селились, предпочитали дорогой «Mercedes Green Zone», виллы которого раскинулись к западу от центра.

Одним словом, выглядел домик незаметно, не хуже и не лучше соседних, однако Сорок Два, сумевший проникнуть во внутреннюю сеть здания, предупредил Вима, что расслабляться не следует.

«Ребята маскируются, Девятка, к своей безопасности они относятся очень серьезно».

«Неужели?»

«Ты уж мне поверь».

Вим поверил – за все время совместной работы напарник ни разу не кричал «Волки!» ради шутки. Поверил, принял все меры предосторожности и теперь, преодолевая шаркающей походкой полутемную арку, видел, что Сорок Два не ошибся. Новые окна, новая штукатурка и новые ворота? А чего-нибудь посерьезнее не хотите? В обеих стенах арки располагались пулеметные гнезда, при появлении посетителя титапластовые шторы бесшумно разошлись, и на Вима уставились черные глазки стволов. Девятимиллиметровые «василиски», разработанные корпорацией «Хеклер Кох» и установленные кем-то из официальных дилеров, – гнезда располагались правильно, «мертвые» зоны отсутствовали. Очень хороший выбор. Если оружие действительно монтировали профессионалы, то все шесть стволов управляются центральным компьютером, который видит внутреннее пространство арки в любых условиях: и при свете дня, и в полной темноте, а в случае задымления «василиски» будут палить согласно показаниям датчиков движения.

Сорок Два прав: к безопасности жители дома относились очень серьезно.

Еще один сюрприз – совмещенный с наноскопом стационарный полицейский сканер под сводами арки. Законно он установлен или нет – вопрос второй, ответ на который Виму Дорадо никогда не узнать. А вот для чего он здесь стоит, очень даже ясно. Сканеры сами по себе особой ценности не представляли, ну, считает он твою «балалайку», ну и что? Устанавливали их только в том случае, если у хозяев имелся постоянный доступ (законный или нет – вопрос второй, точнее, уже третий) к полицейской базе данных. Посетитель еще до ворот не добрался, а охранники дома уже знают о нем столько, сколько, в общем-то, им знать запрещено.

«Здесь живут параноики».

«Прекращаем связь, Девятка, сначала войди внутрь».

«Понял».

Напарник никогда не отказывал себе в удовольствии потрепаться, и раз уж он замолчал, значит, занят до невозможности. Скорее всего, борется в поте лица с охранными программами неприметного домика.

«Вот тебе и тихий уголок...»

Вим остановился у калитки, надавил на кнопку замка и произнес чуть дребезжащим, старческим голосом:

– К господину Шварцу.

Ответ пришел немедленно:

«Господина Шварца нет дома».

Ставивший охранную систему машинист был склонен к дешевым эффектам: ответ прозвучал не из динамиков, а пришел в «балалайку» Дорадо – фраза высветилась красными буквами на глазном наноэкране. Намек понятен: «Нам уже все о вас известно, уважаемый». Маленькая демонстрация возможностей внутренней сети.

«Выпендрежники».

Тем не менее развитие ситуации Виму понравилось. Спокойный ответ показал, что охранной системе его маскировка оказалась не по зубам. В противном случае ему бы или предложили убираться, или бы заставили встать лицом к стене, ожидая приезда полиции.

Два дня назад Зорм, подпольный мюнхенский пластик, поработал над внешностью Дорадо, состарив его на пару десятков лет, – следы операции компьютер не засек. В затылке Вима сидела фальшивая «балалайка», изготовленная Сорок Два специально для этой операции, – электронные сторожа сочли ее настоящей. Впрочем, и Зорм, и Сорок Два – признанные мастера.

– У меня есть пароль, – спокойно сообщил Дорадо. – Господин Шварц попросил ожидать его в квартире.

Господина Шварца Сорок Два выбрал за пристрастие к «Замку Павлины», модной в этом сезоне игре, в которой виртуальная реальность густо перемешивалась с галлюцинациями, вызванными разрешенными наркотиками. В настоящее время господин Шварц полулежал в релаксационном кресле салона «Q-Toy», предаваясь невинным забавам в компании семи других игроков, и у напарников было от пяти до шести часов свободного времени.

– Пароль принят.

На этот раз сторож ответил через динамики, по всей видимости, к жителям и гостям дома программа относилась более вежливо. А Вим отныне – гость, приглашение которого подтверждено паролем. Наноскоп молчит, ничего запрещенного у посетителя нет, значит, можно пропускать. Раздался негромкий щелчок замка, калитка отворилась, и Дорадо, не забывая шаркать, прошел во внутренний дворик.

«Идиоты!»

Вим знал, что общение с живым подозрительным сторожем потребовало бы от него гораздо больше усилий. Впрочем, согласно широко распространенному и в целом правильному мнению, хороших сторожей немного. Потому в наши дни принято доверять машинам, которые, согласно все тому же широко распространенному мнению, не ошибаются. Хорошее дело – общественное мнение.

Текущий контракт Вима считался не очень сложным, и на сухом языке сервера dd назывался «Возвращение утраченного имущества».

Три недели назад с проходящей в одном из кельнских музеев выставки похитили карандашный набросок древнего художника Пикассо. Спустя еще одну неделю владелец раритета получил предложение выкупить драгоценность за половину рыночной стоимости – ситуация стандартная для случая, когда преступление совершили не по заказу могущественного любителя живописи, а ради заработка. Однако грабители пожадничали: согласно неписаным правилам, они должны были просить не более тридцати процентов от стоимости и после короткой

торговли соглашаться на двадцать пять. Возмущенный владелец начал переговоры с похитителями, но одновременно обратился на сервер dd, менеджеры которого после некоторого раздумья затребовали за услуги всего пятнадцать процентов. Контракт был заключен, и Дорадо отправился на дело.

Каким образом менеджерам удалось выяснить местонахождение раритета, Вима не волновало. Возможно, грабители оставили слишком много следов, которые умелые машинисты dd отыскивали в сети. Возможно, утечка произошла благодаря предательству: кто-то из грабителей мог решить, что десять процентов одному – это гораздо лучше, чем пятьдесят на всех, и сдал подельников начальникам Дорадо. А возможно, само похищение картины было спланировано менеджерами dd по заказу какой-то мафиозной группы, и теперь они во второй раз зарабатывают на том же преступлении.

Возможно было все, но Вима это не касалось. Его дело – «Возвращение утраченного имущества» и точка. Никаких имен, никакой лишней информации, только технические подробности и стоимость контракта. Если он попадется, то не сможет ничего рассказать, он станет первым и последним звеном в цепочке расследования.

«Анонимность – это безопасность!» – главный лозунг сервера dd.

В захваченном компьютерах мире сохранять анонимность становилось все труднее и труднее, однако менеджерам dd удалось создать надежную схему работы, удобную и для заказчиков, и для исполнителей. Они вообще умели работать с информацией, эти никому не известные менеджеры всем известного сервера. Их машинисты, непосредственно ведущие dd во время операций, чувствовали себя в сети как рыбы в воде, демонстрируя настоящие вершины искусства ломщиков. Но даже если ты проник во внутреннюю сеть Анклава, ты не сможешь взять сигару, лежащую на столе верхолаза. Для этого нужны руки.

Руками являлся Дорадо.

Христианские территории европейских городов, особенно спальные районы, нравились Виму значительно больше исламских или смешанных, ибо в первых было шумно, а во вторых – ОЧЕНЬ шумно. Жизнь там была ключом: кричали уличные торговцы и зазывалы, пестрела и переливалась огнями реклама, гудели мобили, «табуретки» и велосипедисты. Здесь же, на территориях этнического и конфессионального меньшинства, какое-то подобие бурления возникало всего два раза в сутки: утром, когда жители района ехали на работу, и вечером, когда они направлялись в любимые заведения пропустить перед сном пару пива. Дорадо, сам выросший на подобной территории, чувствовал себя как дома, уверенно, едва ли не до расслабленности. Но в то же время прекрасно знал проблемы, которые появлялись у людей его профессии в таких районах: слишком мало народу днем на улицах. Будто не двадцать первый век на дворе. Дети, резвящиеся на небольшой, огороженной со всех сторон высокими решетками площадке. Спешащие за покупками домохозяйки. Две остановились посреди мостовой и заболтались, то ли о ценах на продукты, то ли обсуждают перипетии сюжета любимого сериала. Из небольшой кафешки тянет жареной картошкой и сосисками. Двери маленьких магазинчиков нараспашку, но зазывал нет. Все чинно, спокойно, тихо. Интересно, проезжают ли здесь полицейские патрули? Пару раз в день, не больше.

И не подумаешь, что в столь спокойном уголке скрываются преступники, совершившие дерзкое ограбление музея. Молодцы ребята, хорошее нашли укрытие.

Вим закрыл жалюзи, отошел от окна и присел к лежащему на полу ящику.

Необходимое для операции снаряжение доставили в квартиру господина Шварца за час до появления Дорадо. Сорок Два сгенерировал ложный заказ в один из сетевых магазинов, выдал подлинный пароль, и охранная система дома позволила курьеру донести ящик до порога квартиры. Содержимое, разумеется, проверялось наноскопом, но в современных коммуникаторах слишком много деталей и химических элементов, а потому проверки в девяносто

девяти случаях из ста носят поверхностный характер. Схема совпадает с классической? Совпадает. Идентификационные чипы производителя и продавца на месте? На месте. Значит, все в порядке. Да и кто поверит, что господин Шварц закажет себе коммуникатор с секретом? Никто не поверит. И правильно, между прочим, сделает. Потому что не для господина Шварца предназначалось сие устройство.

«Спишь?»

«Почти».

Сигнал от Сорок Два пришел, когда Вим уже собрал расфасованный по уголкам коммуникатора пистолет, зарядил его и беззаботно перекуривал, сидя на полу комнаты. Само же устройство висело на стене напротив.

«Скучное дело, да, Девятка?»

«Судя по тому, как долго ты молчал, – нет».

По всей видимости, сражение с охранной системой потребовало от напарника гораздо больше усилий, чем предполагалось.

«Угадал!»

В левом верхнем углу наноэкрана появилась смеющаяся рожица: Сорок Два показал, что ему весело. Впрочем, рожица сразу исчезла.

«Теперь все в порядке, так что к делу, Девятка».

Дорадо пошевелил указательным пальцем, гоняявшитую в его подушечку «мышь» по напыленному на глаза наноэкрану, и активизировал стоящие в «балалайке» боевые программы. Стрельбовый комплекс, согласованный с собранным только что пистолетом, и навигационный комплекс, с заложенным в него планом здания и окрестностей.

«Я готов».

Снятая похитителями квартира находилась по соседству с обиталищем господина Шварца. Общих стен несколько. Вим выбрал самую большую: гостиная Шварца – спальня похитителей, и именно на нее повесил коммуникатор.

«У них двойная система безопасности, Девятка. Помимо внешней, которая предусмотрена для всех квартир дома, они поставили внутреннюю, автономную, не имеющую выхода в сеть».

«Предусмотрительно».

«Ага. Мне в нее не проникнуть, поэтому действовать придется по плану „В“. То есть шумно».

«Я помню план „В“».

«Ты у нас вообще молодец».

«Сколько народу внутри?»

«В настоящий момент двое».

«И все?»

«И все, Девятка, гарантирую».

Выбрав здание с хорошо отлаженной системой безопасности, похитители стали ее заложниками: взломав сеть дома, Сорок Два проследил все их перемещения и абсолютно точно знал, сколько человек находится в квартире. Но это еще мелочи, издержки излишнего доверия к технологиям. А вот выбрав в качестве дополнительной меры безопасности еще одну систему электронной охраны, воры расписались в собственной глупости. Во всяком случае, по мнению Дорадо. Если у тебя есть деньги на автономную систему и ловушки, которые к ней прилагаются, то... не скупись, добавь еще столько же и потрать получившуюся сумму с умом. Купи собаку. А еще лучше – сторожевого терьера Мутабор, восьмидесятикилограммового зверя с генетически улучшенными органами чувств, бешеной реакцией и ядовитыми железами в клыках. Если бы Виму сказали, что картинку, за которой он шел, охраняет подобная тварь, он бы трижды подумал, прежде чем лезть внутрь. И, скорее всего, отказался бы. Хорошо натасканную псину

не обманешь, это тебе не наноскоп, она бы через стену почуяла, что в новом коммуникаторе подозрительно повышенное содержание некоторых химических веществ, и насторожилась бы. И предупредила бы хозяина. Это не значит, что наноскоп плох, он ведь тоже засек особенности доставленного коммуникатора, но сработала машинная логика: упаковка запечатана, идентификационные чипы в порядке, электрическая схема стандартна – значит, мы имеем дело с новой модификацией устройства. У наноскопа и управляющего им компьютера есть логика, но отсутствует инстинкт самосохранения. А сторожевым терьерам Мутабор плевать на чипы и целостность упаковки, они чувствуют опасность и реагируют на нее.

Вот и все дела. Будь внутри собака, картина находилась бы в гораздо большей безопасности. А два человека и автономная электронная система... Это всего лишь два человека и автономная электронная система. Люди глупы. Они доверяют железнякам, которые Сорок Два сломал, находясь за сотни километров от Штутгарта, и забыли о тех, кто тысячи лет оберегал их от различных неприятностей.

Вим поднялся на ноги, аккуратно положил окурочек на коммуникатор – ни к чему оставлять лишние следы, отошел на несколько шагов назад, снял пистолет с предохранителя и натянул на голову наномаску.

«Начинай отсчет».

«Золото и адреналин! Да, Девятка?»

«Да, Сорок Два. Золото и адреналин!»

«Удачи!»

«К черту!»

Полгода назад Вим прошел пару уровней виртуальной игры о приключениях dd, посмеялся тогда – обычные операции не имели ничего общего с захватывающими приключениями компьютерных героев, однако сейчас наступал тот редкий момент, когда реальная жизнь становилась похожей на игру.

«Обратный отсчет! – провозгласил Сорок Два и немедленно начал: – Шестидесять!»

Направленный взрыв заложенного в коммуникатор устройства – точнее, весь коммуникатор и был, по сути, взрывным устройством – выбил кусок стены в соседнюю квартиру.

«Пятьдесят семь!»

Вим нырнул в дыру, перекатился через голову и, оставшись лежать на полу, принялся стрелять вверх. Автономные системы безопасности предполагают установку на потолке небольших пулеметов, и первая задача, которую Вим решил с помощью «дыродела» – вывел из строя их механизм. Прыжком поднялся на ноги, беглый взгляд на разнесенный пулемет, машинально отметил эмблему производителя: «„Науком“, – хоть здесь они не поскупились...»

«Сорок шесть!»

В дверном проеме появилась фигура. Вим выстрелил три раза. Откатился к стене, озираясь в поисках второго, и через мгновение понял, что ему повезло: в том месте, где он взорвал стену, стояла кровать, рядом с которой теперь лежало лишенное головы тело второго бандита.

«Тридцать восемь!»

Внешняя система безопасности не реагировала на происходящее – над ней поколдовал Сорок Два. Жители слышали взрыв, но, поскольку электронные сторожа спокойны, наверняка решат, что проводятся какие-то работы. Забеспокоятся не сразу, минуты через две-три. Оставались охранники, но и они сначала начнут расспрашивать о происходящем систему безопасности и лишь после этого отправятся искать источник подозрительного шума. Так что время есть.

«Тридцать шесть!»

Теперь необходимо разобраться с установленной похитителями внутренней системой. Вим огляделся, взглядом нашел на стене, рядом с выключателем, коробочку с логотипом «Науком», сорвал с нее крышку и подсоединил к одному из портов выданное Сорок Два устройство.

«Тридцать! Внутренняя система наша, Девятка! Продолжай!»

Теперь можно не беспокоиться о ловушках в других комнатах. Вим включил сканер и быстро просмотрел стены спальни.

«Здесь чисто!»

«Сейф на кухне, Девятка, встроен в нижнюю дверцу холодильника. Сюда едут наши друзья».

Подключившись к внутренней системе, Сорок Два узнал многие тайны похитителей, однако прежде она успела подать сигнал бедствия остальным членам банды. Неплохая все-таки вещь – электронная защита. Но гораздо хуже сторожевых терьеров Мутабор.

А вот и кухня.

«Двадцать!»

В дверь заколотили охранники.

«Сейф заперт!»

«Он автономный. Не подключен к внутренней системе!»

Единственное умное решение, которое приняли похитители.

Поскольку скрываться больше не имело смысла, Вим отстрелил петли нижней дверцы холодильника и торопливо покинул кухню.

«Десять! Быстрее, Девятка!»

«Я стараюсь!»

Через десять секунд включится резервная охранная система, которую до сих пор удерживал Сорок Два. С этого момента дом превратится в запертую крепость, и уйти из него станет очень и очень непросто.

С трудом удерживая широкую и тяжелую дверцу холодильника, Дорадо выскочил на балкон и перевалился через перила.

«Пять!»

Лететь вниз недалеко – всего один этаж, дальше начиналась плоская крыша флигеля. Короткая пробежка до ее края – и вновь прыжок. На этот раз с высоты двух этажей.

«Один!»

Сейф уже лежал на асфальте – прыгать с ним в руках Вим не решился. Подхватил добычу и нырнул в закрытый фургон припаркованного у тротуара маленького «Рено Арба», одной из самых массовых моделей мобилей, на которых мелкие оптовики развозили по лавкам и магазинчикам товары. Машина немедленно тронулась с места, устремившись к шумной улице.

«Время! Ты молодец, Девятка!»

«Адреналин и золото, Сорок Два! Адреналин и золото!»

Вим рассмеялся. Он чувствовал себя прекрасно.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз

Мюнхен, столица Баварского султаната

«Баиня Стражей»

Кто сказал, что неприлично хоронить людей заранее?

Подавляющее большинство людей считало сердцем Мюнхена знаменитую мечеть Трех имамов, которые, согласно канонической версии, принесли на пребывавшую во тьме баварскую землю свет великого учения. Действительно, сложенная из белоснежного мрамора красивая и четыре ее двухсотметровых минарета были видны из любой точки города, и мечеть давно превратилась в визитную карточку Мюнхена. В нее шли паломники со всего Исламского

Союза, ибо для правоверного европейца помолиться в мечети Трех имамов почти столь же важно, как совершить хадж в Мекку.

Другие люди называли сердцем города, да и всей Баварии, дворец султана, не очень большой, но восхищающий совершенством архитектуры комплекс, со всех сторон окруженный прекрасным парком.

Третьи, преимущественно либералы, почитали важнейшим зданием расположенный в деловой части Мюнхена Дом Министров, однако майор Хамад Аль-Гамби имел на этот счет свое собственное мнение.

Мечеть Трех имамов – это душа султаната, привольно раскинувшегося от Альп до северных морей. Дворец – это мозг, из которого исходят законы и указы. А сердцем, мотором, который гоняет кровь по жилам государства, является... не Дом Министров, не Дворец Правосудия, а простая, как вставший на дыбы спичечный коробок, восьмидесятиметровая «Башня Стражей», скромно притулившаяся на окраине делового центра. Лишенный каких бы то ни было архитектурных излишеств дом, нижнюю половину которого занимает мюнхенское управление Европола, а остальные помещения – баварское. Хамад был полицейским в четвертом поколении, а потому и представить себе не мог, что сердцем Мюнхена может быть правительство, послушно исполняющее волю властителя, или судьи, столь же послушно исполняющие законы. Сердце здесь, среди людей, которые ежедневно трудятся над тем, чтобы жизнь Баварского государства, да и всего Союза, оставалась спокойной и размеренной.

В «Башню» Хамад ходил всю жизнь. Сначала, с первых классов школы, – на дополнительные занятия для будущих стражей порядка, затем, в юношеском возрасте, – в полицейские спортивные залы, а по окончании академии – на работу. Но сегодня Аль-Гамби переступил порог с детства знакомого здания почти с тем же волнением, с каким когда-то вошел в него облаченным в новенькую офицерскую форму. Сегодня его ждала очень важная встреча, от которой будет зависеть вся его дальнейшая карьера. Ведь именно так сказал майору его покровитель, всемогущий генерал Аль-Кади: «Будет зависеть твоя дальнейшая карьера», а шеф баварского Европола громкими фразами не бросается. Раз сказал, значит, так оно и есть.

Потому и замирало сердце.

Однако демонстрировать волнение окружающим Хамад счел излишним.

Неторопливо и спокойно прошел он через вестибюль к особому лифту, на дверцах которого был золотом выгравирован герб султаната, и протянул стоящему полицейскому особую карточку, полученную от самого Аль-Кади.

– У меня приказ явиться на совещание.

Украшенный гербами лифт поднимался всего на два этажа: на пятнадцатый, где находился секретариат начальника мюнхенского Европола, и еще выше, на тридцатый, к руководителю всей баварской полиции.

Сканер считал «балалайку» Хамада, в которой было продублировано разрешение подниматься на занимаемый руководством этаж, охранник проверил подлинность карточки, вернул ее майору и коротко осведомился:

– Оружие?

– Я знаю, что не имею права брать его с собой.

Новый адъютант генерала предупредил, что следует одеться не в мундир, а в брюки и сорочку из легкой ткани, но и это предупреждение было излишним – Аль-Гамби поднимался в кабинет Аль-Кади не в первый раз.

Охранник жестом попросил Хамада приподнять руки, снял белые перчатки и быстро пробежался пальцами по телу майора. Этому полицейскому сделали операцию на подушечках, в сотни раз повысив их чувствительность. Говорили, что «люди-руки» ощущали каждое сухожилие, каждую вену, каждый внутренний орган обыскиваемого, и обмануть такой досмотр было гораздо сложнее, чем электронный сканер.

– Пожалуйста, проходите.

Дверцы закрылись, и лифт понес Хамада наверх.

Скромное расположение «Башни Стражей» – на самом краю делового центра – имело определенное преимущество: из окон открывался превосходный вид на Мюнхен. Невысокие постройки старых кварталов, стоящая на большой площади мечеть Трех имамов, дворец султана – все как на ладони, однако людей, собравшихся в кабинете генерала Аль-Кади, красоты родного города не интересовали. Наслаждаться замечательной перспективой хорошо утром, перед работой, прихлебывая ароматный кофе, или ближе к вечеру, завершив дела и предаваясь блаженным минутам отдыха. Днем же правоверному европейцу любого ранга следует трудиться, а не заниматься созерцанием живописных окрестностей. День создан для работы, которой в последнее время было довольно много...

– Возможно, я покажусь вам недостаточно вежливым, друзья мои, – произнес, покончив с обязательными приветствиями, генерал Аль-Кади, – но я бы хотел как можно быстрее перейти к делу.

Хозяин кабинета, шеф баварского Европола генерал Мохаммед Аль-Кади, являл собой образ настоящего офицера: высокий, плечистый, нерасплывшийся, а потому, несмотря на то что Аль-Кади давно перевалило за пятьдесят, генеральский мундир сидел на нем идеально.

Высокую должность Мохаммед получил благодаря высокому происхождению, семья Аль-Кади входила в двадчатку самых уважаемых кланов Баварии, однако никто, даже недолюбливающие шефа полиции либералы не отказывали Мохаммеду в профессиональной компетенции.

– Я прекрасно понимаю, что вы занятой человек, и приложу все усилия, чтобы наша встреча прошла как можно быстрее. – Наиф Тукар вежливо склонил голову. – Но при этом мы должны избегать поспешности.

– Согласен, – кивнул Аль-Кади.

В отличие от генерала, сорокалетний Тукар не мог похвастаться знатным происхождением, свое место под солнцем – должность личного секретаря султана – он заработал умом, напором и потрясающей работоспособностью. Все знали, что баварский властелин безгранично доверяет любимцу и принимает практически любой его совет. Тем не менее недовольства у элиты Наиф не вызывал: умный Тукар относился к представителям знатных семейств с подчеркнутым уважением, не вбивал клинья между ними и султаном, а, напротив, демонстрировал желание стать своим. И, похоже, его усилия не пропали даром: ходили слухи, что старый Аль-Монташари согласился выдать за Тукара одну из своих внучек.

– Причина, по которой мы собрались, весьма любопытна и вызвала живой интерес Его Величества, – мягко продолжил Наиф. – Вопрос связан с нашим другом, Хасимом Банумом, и его нынешним путешествием в Москву.

– Хасим разговаривал со мной перед поездкой, – кивнул третий участник совещания, шейх Аль-Темьят. – Говорят, китайцы нашли свое Чудовище.

Последнее предложение шейх произнес с заметным презрением в голосе, показывая свое отношение и к желтой Традиции, и к страхам ее адептов.

– Китайцы предполагают, что нашли Чудовище, – уточнил секретарь султана. – И попросили господина Банума о помощи.

– Мне это известно, – махнул рукой Аль-Темьят.

– Мне тоже, – кивнул генерал.

Выражение лица Тукара красноречиво показывало, что он не сомневался относительно осведомленности собеседников.

– Так что же вызвало интерес Его Величества? У нас хорошие отношения с Хасимом, он наш друг, хоть и неверный, и, полагаю, вернувшись домой, расскажет подробности своей поездки.

– Интерес Его Величества вызвало предположение, что господин Банум может не вернуться, – объяснил Наиф.

Пару мгновений шейх переваривал фразу, а затем покачал головой:

– Вы подсказали Его Величеству эту мысль?

Секретарь молча склонил голову.

– Я в этом не сомневался. – Аль-Темьят вздохнул. – Вы недостаточно осведомлены, господин Тукар, не знаете всех нюансов ситуации. Я не имею права раскрывать вам некоторые тайны, а потому поверьте на слово: у Хасима нет достойных соперников. Именно поэтому все предпочитают с ним дружить.

– Я отдаю себе отчет в том, что не могу соперничать в знаниях с мудрыми шейхами. – Наиф на мгновение опустил глаза, но затем его взгляд вновь уперся в собеседника. – Тем не менее, проанализировав происходящее, я взял на себя смелость высказать Его величеству свои опасения. Китайцы всерьез обеспокоены силой Чудовища, и если их страхи имеют под собой основания, случиться, может всякое.

– Гипотеза!

– Планирование – это череда гипотез. Некоторые сбываются, некоторые нет. Но следует прорабатывать как можно больше вариантов.

Шейх покосился на хозяина кабинета, но Аль-Кади благоразумно помалкивал, не желая влезать в его спор с любимцем султана.

– И вы, как я понимаю, принялись размышлять над тем, что мы станем делать, если китайские бредни о Чудовище окажутся былью? – Аль-Темьят вложил в реплику всю язвительность, отпущенную ему Аллахом.

– Я бы никогда не осмелился взять на себя обдумывание столь важных планов, – предельно серьезно ответил Тукар. – Подобные вопросы решают люди, в круг которых я не вхожу.

Шейх слегка расслабился – лесть подействовала. Выскочка в очередной раз показал, что знает свое место.

– Тогда зачем мы собрались?

– Когда я высказал Его Величеству свои опасения, он задумался, а затем припомнил одну беседу, которую имел с господином Банумом тет-а-тет, – сообщил Наиф. – Во время этой беседы была упомянута некая книга...

– Эта беседа проходила не наедине. – Аль-Темьят не нравились выражения на мертвых языках, он предпочитал не засорять родной аммиа. – Я присутствовал при том разговоре.

– Его величество не упоминал об этом, – склонил голову секретарь.

Но теперь его вежливость показалась шейху издевательской. Он корил себя за то, что сам не догадался высказать подобные опасения султану. Ведь он присутствовал при разговоре! Слышал о книге! Он, и только он, должен был намекнуть Его Величеству, что следует делать в случае неуспеха Банума! Он, и никто другой! Тем более не этот липкий улюдок.

– Полагаю, мне будет разрешено узнать, о какой книге идет речь? – осведомился Аль-Кади.

Генерал понял, что собеседники покончили с придворными играми и совещание наконец-то входит в деловое русло.

– Не сомневаюсь, вы знаете, кто такой господин Банум. – Тукар молниеносно повернулся к шефу полиции – теперь любимец султана крепко держал в руках нити совещания.

– Разумеется, – подтвердил Аль-Кади.

Знакомы они не были, однако Европолу, личным распоряжением султана, было предписано обращаться с Банумом как с шейхом, то есть со всем возможным уважением.

– В свое время господин Банум оказал нам ряд серьезных услуг. Он друг Исламского Союза и личный друг султана. Некоторое время назад он обронил фразу, что пишет книгу. Заметки... мысли... воспоминания.

– Хасим много знает, – проворчал шейх.

Аль-Темьят решил не мешать Тукару вести совещание, но оставил за собой право на многозначительные реплики.

– Книга находится в доме господина Банума. Полагаю, он не просто так рассказал нам о ее существовании. Возможно, господин Банум ожидал встретить серьезного соперника и хотел, чтобы в этом случае именно мы стали обладателями хранящейся в книге информации.

– Выходит, речь идет о своеобразном завещании? – уточнил генерал.

– Именно.

Аль-Кади перевел взгляд на шейха.

– Наиф прав, – нехотя протянул Аль-Темьят. – Хасим много знает, и в случае его смерти нам следует изучить его мемуары. А раз он рассказал о них нам, значит, они предназначаются для нас. Мы имеем на них полное право.

– Именно поэтому, уважаемый Мохаммед, я прошу вас организовать постоянное слежение за функционированием «балалайки» господина Банума.

Шейх не изменился в лице, но зарубку в памяти сделал: с каких это пор шеф баварской полиции стал для Тукара просто «уважаемым Мохаммедом», а не «господином генералом»? Пронырлив, любимчик султана, ох, пронырлив...

– С технической точки зрения ваша просьба не вызовет никаких трудностей, – деловито ответил Аль-Кади. – Номер «балалайки» нам известен, запустим программу слежения и будем в любой момент времени знать, функционирует чип Банума или нет. – Генерал помолчал. – Взламывать «балалайку» не надо?

– Нет, – покачал головой Тукар.

– Надеюсь, вы предупредили Хасима о том, что планируете следить за ним? – осведомился шейх.

– Сегодня утром я, по просьбе султана, попросил у господина Банума разрешение на слежку и получил положительный ответ. Полагаю, господин Банум прекрасно понимает наши мотивы.

«Полагает он!»

Аль-Темьят очень хотелось отпустить в адрес секретаря какую-нибудь гадость, но в голову ничего не приходило. Проклятый Наиф действовал очень правильно, очень продуманно. Не подкопаешься.

«Ладно, выскочка, упивайся своей властью. Расположение султана переменчиво, рано или поздно ты допустишь ошибку, и тогда...»

– Но как мы узнаем, что Хасим именно погиб, а не вытащил «балалайку» по каким-либо причинам?

Шейх не очень хорошо разбирался в современных технологиях.

– Программа слежения сумеет понять причину прекращения работы чипа, – объяснил Аль-Кади.

– А если во время смерти в Хасиме не будет «балалайки»?

– Надеюсь, этого не произойдет.

– Я не верю, что Хасим встретит достойного соперника, – после короткой паузы произнес Аль-Темьят.

– Но если это произойдет, наши люди должны незамедлительно отправиться в его дом и взять книгу, – закончил Тукар.

И выжидательно посмотрел на шейха.

Аль-Темьят понял, чего ждет любимчик султана. И почему его вообще позвали на это совещание – банальный вопрос слежки за Банумом Наиф мог решить с генералом один на один.

«Не можешь без меня обойтись? В том-то и дело, выскочка, в том-то и дело...»

Шейх не отказал себе в удовольствии помучить собеседников. Делая вид, что обдумывает невысказанный вопрос, Аль-Темьят почти две минуты перебирал четки и лишь после этого небрежно кивнул:

– Если Хасим погибнет, мы сумеем войти в его дом.

– Отлично, – улыбнулся Тукар. – Его величество не сомневался в ваших способностях.

Уверенность полностью вернулась к Аль-Темьяту, он вновь вел совещание, и его голос звучал в полную силу:

– Мы должны будем действовать быстро. Хасим наш друг, но он пользуется уважением и у монсеньоров Католического Вуду, и у китайцев, и у индусов. Кто знает, не рассказал ли он им о своих мемуарах?

– Операцию должен возглавить надежный человек, – согласно кивнул Тукар. – Опытный и умелый.

– У меня есть подходящая кандидатура, – улыбнулся Аль-Кади. – Офицер как раз находится в приемной.

– Пригласите, – попросил шейх.

Генерал надавил на кнопку, дверь распахнулась, и в кабинет вошел среднего роста мужчина типично баварской наружности: смуглая кожа, черные курчавые волосы, пышные усы.

– Майор Хамад Аль-Гамби, – представил подчиненного шеф полиции. – Четвертый департамент Европола. – И внимательно посмотрел на протееже: – Не подведи меня, Хамад.

Аль-Гамби молча кивнул.

Четвертый департамент занимался силовыми операциями: от разгона демонстраций до штурма захваченных террористами самолетов. Полицейский спецназ. А стоящий перед секретарем султана и шейхом типичный баварец был одним из самых опытных его сотрудников, прошедшим путь от офицера спецназа до начальника оперативного отдела.

– Присаживайтесь, Хамад, – радушно улыбнулся Тукар. – Мы должны вам кое-что рассказать...

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз

Мюнхен, столица Баварского султаната

Отель «Дом Бедуина»

Никто не идет в одиночку

Говорят, мода на высотные гостиницы зародилась в Азии, в Китае. Одни историки рассказывают о некоем «Гранде», построенном в начале двадцать первого века и снесенном во время перестройки Большого Шанхая, другие кивают на Токио и Сингапур, третьи отдают пальму первенства Эмиратам. Историки спорят, но никто из них не отрицает тот факт, что после Большого Нефтяного Голода моду на сверхвысокие отели возродили Анклавы. Да и где еще, как не на перенаселенных корпоративных территориях, могла возникнуть необходимость в подобных сооружениях? Московский «Дядя Степа», эдинбургский «Дункан», сингапурский «Альбатрос»... Небоскребы распахивали двери для тысяч постояльцев, владеющая ими корпорация «FQS Inc.» процветала, расширяла бизнес, и постепенно сверхвысокие гостиницы появились практически в каждом крупном городе.

Правда, не везде они поднимались на привычную для Анклавов высоту.

В свое время самый первый владыка Баварского султаната повелел, чтобы ни одно здание в его столице не превосходило по высоте минареты строящейся в ту пору мечети Трех имамов. К этому моменту в Мюнхене уже стояли два небоскреба (один – четыреста тридцать, другой – пятьсот десять метров), и их владельцы новый закон не порадовал. Будучи людьми не бедными и со связями, они приложили все усилия, дабы их недвижимость осталась на прежнем месте и в прежнем виде: давали взятки, писали слезливые прошения на имя султана, проводили опросы жителей и даже предлагали считать расположенный ближе к окраине Мюнхена деловой центр совершенно другим городом. Или поселком. Или хутором. Плевать, главное, чтобы он не считался частью столицы. Все напрасно. Небоскребы укоротили до максимально возможной высоты – сто девяносто восемь метров, а следующие новостройки недотягивали и до нее. Именно поэтому отель «Дом Бедуина» оказался самым маленьким среди принадлежащих «FQS Inc.» небоскребов, но при этом – самой высокой гостиницей столицы султаната. Пятьдесят этажей первоклассного сервиса и четыре пентхауса, выходящие на четыре стороны света и отделанные соответствующим образом: «Север» поражал резной мебелью эпохи Ренессанса и классическими витражами, «Запад» отдан во власть хай-тек, «Восток» выдержан в китайском стиле, «Юг» – традиционная арабская роскошь.

Вим бывал в каждом из них, но больше всех ценил «Север», обстановка которого наилучшим образом отвечала вкусам Дорадо.

Ветер, гуляющий на стовосьмидесятиметровой высоте, подхватывал музыку и разносил ее по всему деловому центру. Опоясывал ею соседние небоскребы, окутывал проезжающие по многоуровневым дорогам мобили, поднимал вверх, к скрывающимся за облаками Луне и звездам, а наигравшись, скользил с нею к старому Мюнхену, опалая страстным дыханием баркарولى белоснежную мечеть.

Великолепный дуэт рояля и скрипки, гармония струн и душ музыкантов, настоящих профессионалов, прекрасно дополняющих друг друга.

Вим сидел за роялем, его пальцы скользили по клавишам, но словно бы сами по себе, ибо все внимание Дорадо было приковано к скрипачке – тоненькой девушке, стоящей у балюстрады, отделяющей ее от бездны, и самозабвенно играющей для ночных облаков.

Для небоскребов, звезд и Вима.

Ветер, единственный их слушатель, жадно впитывал страстную музыку дуэта, а вместо аплодисментов игриво трепал роскошные, до самой талии, волосы девушки. Ее единственную одежду.

Жизнь Дорадо, а правильнее – его жизни напоминали шеренгу банковских сейфов. Надежно запечатанных и открываемых только по очереди. Вим делал все, чтобы ни один обрывок информации, ни одно слово, ничто не просочилось из сейфа в сейф, из настоящего в настоящее, а уж тем более – в настоящее из прошлого. Чем меньше о тебе знают, тем безопаснее. Сейфы с надписью «Молодость» не открывались практически никогда. Из сейфов с надписями «Детство» и «Юность» периодически извлекались воспоминания, но они крайне редко содержали конкретные факты. Сейфы настоящего открывались по очереди. А сейф «Личное» – кладовка, в которой Дорадо прятал свой аленький цветок, – охранялся с особой тщательностью.

Вим познакомился с Камиллой случайно: ему предложили недельные гастроли в одном из крупных венецианских ресторанов, Дорадо прибыл в город на день раньше, по делам заглянул к менеджеру заведения и увидел ее – тоненькую девушку со скрипкой.

Завораживающее мастерство Камиллы пронзило сердце Вима.

Ту ночь они провели, катаясь на гондоле по древним каналам. Иногда болтали, иногда молчали. Иногда смотрели друг на друга, иногда – на звезды и старинные дома. Расстались, ни разу не поцеловавшись. Но разве это главное?

Через две недели Камилла позвонила и сказала, что ей предложили гастроли в Дрездене. «Может, сыграем дуэтом?» Вим бросил все дела, примчался в Саксонию и уже на первой репетиции окончательно убедился в том, что они с Камиллой созданы друг для друга.

Рояль и скрипка.

Вим не был виртуозом, для этого у него были слишком грубые руки. Он считался хорошим, выше среднего уровня, исполнителем, обладающим к тому же феноменальной памятью – Дорадо очень редко пользовался нотами. Но и это не было главным – хороших исполнителей хватает. Вима ценили за умение едва ли не мгновенно улавливать эмоции публики, определять господствующее в зале настроение и безошибочно выбирать ту музыку, что наилучшим образом подходила в этот вечер этим людям. Шопен, Лист, Рахманинов... Дорадо имел репутацию идеального тапера. Камилла же играла для себя, восхищала мастерством, но послушно следовала за Вимом, и их дуэт пользовался успехом у хозяев дорогих ресторанов, модных курортов и элитарных клубов – «любовь» к классической европейской музыке считалась у знати признаком хорошего вкуса.

Нечастые совместные гастроли всегда заканчивались одинаково...

Последние звуки баркаролы упали на Мюнхен, Камилла замерла, прощаясь с сыгранной мелодией, и Вим почувствовал, что не может больше сдерживаться. Рывком поднялся с табурета и подошел к девушке.

Рояль и скрипка. Натянутые струны.

Инструмент Камиллы опустился на мягкий ковер, покрывающий террасу пентхауса, а следом на нем оказались любовники.

– Богиня, – прошептал Вим.

Девушка обняла его за шею и нежно укусила за ухо.

– Моя богиня...

В постели они тоже идеально подходили друг другу. Камилла не уступала Виму в напоре, он ей – в страстности. Их тела сливались с той же силой, с той же гармонией, что их музыка. Их любовь становилась продолжением дуэта.

Рояль и скрипка. Совершенство.

И всякий раз – как первый. И всякий раз чаша выпивается до последней капли. И всякий раз Вим терял голову, чего никогда не случалось с ним раньше.

Поиск женщины никогда не казался мужчинам задачей сложной, требующей особенно больших усилий. На протяжении человеческой истории женщин похищали, покупали, выбирали (экстерьер, родословная), а бывало и обменивали на что-нибудь срочно необходимое. Найти женщину в современном мире еще проще: хочешь быстрой любви – иди в соответствующий квартал, хочешь несложных отношений – к твоим услугам официально разрешенный в Исламском Союзе институт наложниц. Кандидаток во временные жены полным-полно, начиная с шестнадцатилетних крестьянок, пытающихся вырваться из нищеты, и заканчивая сходящими с ума от одиночества холеными бизнес-леди. Найти женщину несложно. Чертовски трудно отыскать Женщину. Не идеал слабого пола, а твою Женщину. Рожденную для тебя.

Камиллу трудно было назвать красавицей. Маленькая грудь, довольно широкие для ее роста бедра, тонкие губы... Любители выставочных жен прошли бы мимо и не заметили, но для Дорадо экстерьер не имел особого значения. В объятиях Камиллы он нашел не развлечение, а любовь.

– Знаешь, когда мы только познакомились, я думала, что ты какой-нибудь верхолаз, развлекатель инкогнито. – Камилла улыбнулась. – Дорогие рестораны, дорогие отели...

– Мне нравится, как ты паришь над городами.

– Ты тратишь все гонорары. – Заработков тапера не хватило бы на их не частые, но яркие встречи. Девушка это понимала, но в ее вопросе не слышался подтекст. – Для меня не очень важно, где мы проведем ночь. Главное, что мы проведем ее вместе.

– В жизни не так уж много восхитительных моментов. Пусть они будут красивыми от первой до последней черточки.

Они остались на мягком ковре террасы, под облаками, но ветер, как ни старался, не мог унести с нее шелест разговора. Концерт, данный ночному городу, закончился, теперь Вим и Камилла говорили друг для друга.

– А потом мы разъедемся по своим домам...

– А потом встретимся снова.

– Да, – после короткой паузы согласилась девушка. – Обязательно встретимся.

Он едва не сказал: «Я люблю тебя». Едва не сказал...

Камилла погладила руку Вима. Длинные пальцы. Достаточно нервные, чтобы их обладатель стал виртуозным пианистом, и в то же время слишком грубые, чтобы это произошло.

– Почему ты стал музыкантом?

Оказывается, подобрать ключик к тщательно запертым сейфам не очень сложно. Твоя Женщина и есть ключ.

– Семейная традиция, – негромко ответил Дорадо. – Мой отец был первой скрипкой в Венской опере. Ему рукоплескали настоящие ценители. Я сел за рояль в три года.

Но стал всего лишь тапером...

– Что произошло потом?

Он стал всего лишь тапером, значит, было «потом».

– Отец погиб за месяц до того, как мне исполнилось четырнадцать. Сын какого-то шейха обкурился травкой и решил покататься по ночному городу на новеньком спортивном автомобиле. Дело замяли.

– А твоя мать?

– Она умерла, когда я был совсем маленький.

– Ты остался один.

– Жил у сестры отца. Но становиться профессиональным музыкантом передумал. Лицедеи не всегда могут постоять за себя.

Камилла снова посмотрела на руку Дорадо. Когда-то изящную, теперь – изрядно погрывшую.

Она не спросила, как это произошло. Только обронила:

– Но ведь ты лицедей.

– Да, лицедей, – согласился Вим. – Я вырос в подходящей семье.

Нервные пальцы пианиста плохо приспособлены для рытья окопов. Для лазания по отвесным скалам. Для ударов. Руки Дорадо стали крепкими, сильными, грубыми. Они перестали быть руками виртуоза, зато стали руками солдата. Они наглядно демонстрировали, на что может пойти четырнадцатилетний мальчишка, решивший, что его несправедливо обидели. Мальчишка, который перестал верить окружающим.

Вим приоткрыл сейф под названием «Юность», но вовремя спохватился и захлопнул тяжелую дверь. Не стал рассказывать девушке о том, как отметил десятилетие гибели отца, как покарал обидчика и как после эйфории от свершившейся мести навалилась на него пустота. Ощущение бессмысленности всего. Ощущение того, что он сам сломал себе жизнь.

Пустота, которая исчезла лишь при появлении Камиллы.

* * *

Окрестности Пекина

Главное богатство руководителя – его подчиненные

Небольшой дом, выдержанный в классическом китайском стиле, прятался в живописнейшем уголке дальних пекинских окрестностей, в заповедной зоне, предназначенной для вилл высших чиновников Поднебесной. Покрытые лесом холмы на горизонте, большая поляна перед домом, аккуратный сад и пруд позади. Стороннему наблюдателю открывалась картина идиллическая, нежная, едва ли не хрупкая. Милое здание расположилось вдали от других построек, казалось одиноким и беззащитным, но... только казалось. На деле же поместье старейшины китайской разведки генерала Ляо охранялось тщательнее многих военных объектов. Слишком важные разговоры вел старик в своем доме, и многие готовы были отдать любые деньги ради доступа к главным тайнам Поднебесной. Но все усилия этих людей ни к чему не приводили – хрупкое на вид строение являлось настоящей крепостью.

– Последний отчет, который я получил от машинистов за пять минут до начала нашей встречи, показал, что с господином Банумом все в порядке. Он жив и здоров.

Полковник Ван, несколько месяцев назад ставший ближайшим помощником генерала, склонил голову и замолчал. Доклад о текущих делах окончен, наступило время вопросов и уточнений.

Ляо чуть пошевелился, удобнее устраиваясь в кресле, и, не открывая прикрытых в начале встречи глаз, поинтересовался:

– Каково мнение аналитиков о происходящем в Москве?

– Факты свидетельствуют о том, что нынешний конфликт между индусами и арабами активно поддерживается некой третьей силой. Анализ показывает, что СБА, с большой долей вероятности, не сумеет удержать ситуацию под контролем и в Москве возникнут по-настоящему крупные беспорядки. Которые, по самым скромным прогнозам, затронут не менее трех территорий Анклава.

– А по нескромным прогнозам?

– Согласно самому пессимистичному для СБА сценарию, волнения охватят Аравию, Кришну, Занзибар, Урус и Болото. Возможно вторжение на корпоративные территории. Как минимум, неделя погромов и уличных боев. – Полковник улыбнулся: – Слишком много факторов играет против Мертвого. На этот раз он действительно влип.

– Скоро выборы президента СБА, – обронил старик. – Моратти хочет свалить Кауфмана, а массовые беспорядки – замечательный повод для увольнения директора филиала. Даже верхолазам ничего объяснять не надо, не говоря уже о журналистах.

Ляо прекрасно понимал, что за «третья сторона» пытается раздуть в Москве пожар.

Ван тихонько вздохнул и осмелился проявить инициативу:

– Может, предложим главе московской Триады добавить Мертвому неприятностей?

«Пусть запылает еще и Шанхайчик». В этом случае Анклав превратится в настоящее поле боя.

Первоначально мысль показалась старику интересной: глава московского филиала СБА Максимилиан Кауфман по кличке Мертвый был старым врагом Ляо, однако, поразмыслив, генерал покачал головой:

– В настоящий момент главным для нас является не устранение Кауфмана, а миссия Банума. Если бы Хасиму потребовалось устроить в Анклаве хаос, он бы нас проинформировал. Но его, как я понимаю, устраивает существующее положение вещей, поэтому предупредите главу московской Триады, что мы не заинтересованы во втягивании Шанхайчика в конфликт.

– Да, товарищ генерал.

Ляо открыл глаза и бросил быстрый взгляд на в очередной раз склонившего голову подчиненного.

«Почему ты сразу согласился? Почему не попробовал настоять на своем? Или ты предложил ввести в игру московскую Триаду просто так? Не обдумав?»

И старик в очередной раз поймал себя на мысли, что ему не хватает Тао. Цепкого полковника Тао, понимавшего все с полуслова, предлагавшего только обдуманные действия и готового отстаивать свою точку зрения перед кем угодно. Но Тао больше нет, сгинул в Москве, проиграв схватку Мертвому. Теперь против Кауфмана играет Урзак, и чем закончится их бой – еще не ясно...

Смотреть на демонстрирующего предельную почтительность Вана не было никаких сил, и Ляо вновь прикрыл глаза. И опять укорил себя за то, что в свое время не подготовил для Тао достойного преемника. Впрочем, нет, был еще Шэнхун. Тоже толковый офицер. И тоже погиб...

– Сегодня утром я узнал о том, что в европейском доме Банума хранится интересная книга.

Помощник не выразил неудовольствия или удивления тем фактом, что информация прошла мимо, хотя именно в его обязанности входило систематизировать для старика поступающие сведения. Ван понимал, что еще не достиг того уровня доверия, которым пользовался у Ляо предшественник.

Однако генерал решил сгладить ситуацию: когда появится толковый помощник – неизвестно, а до тех пор все равно придется терпеть полковника.

– У меня есть друзья на самом верху Исламского Союза, лично у меня, – объяснил старик. – О книге я узнал от них.

– Понимаю.

Ляо был гением разведки, легендой, за свою долгую карьеру он успел завербовать сотни людей, многие из которых занимали теперь высокие посты в самых разных странах.

– Могу я узнать, о какой книге идет речь?

– Предполагается, что это своего рода мемуары Хасима Банума, история его жизни. Наш друг много знает, а потому его сочинение может оказаться крайне любопытным. – Старик помолчал. – Но до тех пор пока Банум жив, проникнуть в его дом практически невозможно...

Полковник, свято верящий в безграничные возможности современной техники, удивился подобному замечанию, однако оставил сомнения при себе. Проникнуть можно куда угодно, было бы желание.

– А вот если с Урзаком случится непоправимое, защита ослабеет... – Генерал вновь открыл глаза, но теперь его взгляд оказался весьма жестким. – В этом случае книга должна оказаться у нас. Я не хочу, чтобы арабы наложили на нее лапу. Это понятно?

– Да, товарищ генерал.

Ван понял, что Ляо поручил ему ОЧЕНЬ важную операцию. До сих пор задания были куда более понятны и вполне укладывались в рамки обычной разведывательной деятельности: найти, узнать, завербовать, пристрелить, проанализировать... На этот раз все не так. Чем могут быть любопытны воспоминания человека, о котором никто не знает? О чем он может рассказать? Ван служил в разведке не первый год и знал, что руководство Народной Республики информировано о подноготной любого мало-мальски значимого события в мире едва ли не лучше, чем его непосредственные участники. Почему в дом Банума невозможно войти до его смерти? Но самое главное – гнетущий взгляд Ляо. Взгляд, ясно показывающий, что будущее полковника напрямую зависит от результатов операции.

Последнее обстоятельство разозлило Вана больше всего. Разве к этому он стремился? Разве для того высокопоставленные родители протолкнули его в свое время в военную разведку, чтобы блестящая карьера оказалась под угрозой из-за одного-единственного поручения, данного каким-то стариком? Ну да, Ляо – патриарх, легенда, личный друг Председателя, но все видят, что его методы устарели. Теперь все решает команда, группа единомышленников,

а не одиночки, предпочитающие проводить время не в Генеральном штабе, а на загородной вилле. Вслух об этом, разумеется, не говорили, но намеки, которые Ван слышал в высоких кабинетах перед назначением к Ляо, не оставляли сомнений в том, что нынешней команде старик изрядно надоел. А полковник хорошо умел понимать намеки.

Тем не менее ни эти мысли, ни зародившаяся в глубине души ярость не помешали Вану ответить со всем возможным уважением:

- Я приложу все усилия, товарищ генерал, чтобы достойно выполнить ваш приказ. «Разумеется, приложишь! Ведь это твой единственный шанс остаться в разведке».
- Ляо терпеть не мог карьеристов, но что делать? Растерял толковых ребят, растерял... Взгляд старика немного смягчился.
- Чуть позже я расскажу, как можно будет попасть в дом Банума и отыскать книгу.
- Вы прикажете мне лично отправиться в Европу?
- В этом нет необходимости, Ван, вы нужны мне здесь.
- Задействовать наших агентов или подключить к операции баварскую Триаду?
- «Пусть не толковый, но исполнительный. Хоть что-то...»

Ляо устремил задумчивый взгляд на окно и после непродолжительных раздумий отрицательно покачал головой:

– Нет, Ван, в этот раз я не хочу использовать наших людей. В Европе недолюбливают Народную Республику, постоянно ищут повод, чтобы выразить возмущение или протест, поэтому следует вести себя осторожно. Во всяком случае – пока. – И вновь перевел взгляд на помощника. – Подберите надежных людей со стороны.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

* * *

*Территория: Соединенные Штаты Америки
Новый Орлеан
Храм Иисуса Лоа
Большая цель – большой труд*

Говорят, что когда-то, в древние и просто старые времена, например в двадцатом веке, предпринимались попытки строить города так, чтобы они представляли собой некую правильную фигуру: круг или пятиконечную звезду, квадрат или полумесяц. Однако, несмотря на все усилия архитекторов и строителей, ничего не получалось. Города сложны, слишком много людей в них живет, и всегда найдется тот, кто построит дом за разрешенными пределами. Или не один дом. Есть деревушки, что лепятся к окраинам городов. Уничтожить их? Другими словами, дело оказалось убыточным, неперспективным. К тому же было непонятно, кто наслаждается величием осуществленного замысла? Пассажиры самолетов? Космонавты? Идея канула в Лету.

И люди, чтобы хоть как-то выделить свои города, принялись выставлять напоказ некоторые их сооружения. Небоскребы, гигантские статуи, храмы, мечети – все, имеющее неповторимый облик, должно было притягивать взоры и днем, и ночью, сиять круглосуточно, постоянно демонстрируя лицо города. Эйфелева башня в Эль-Париже и американская Статуя Свободы, великолепная «Башня Света» в Сингапуре и знаменитый московский «Подсолнух». Эти и многие другие творения украшали города Земли, демонстрируя силу человеческого гения. Километры вверх! Сотни метров вширь! Мы царапаем небо и свысока поглядываем на проплывающие вдоль средних уровней здания облака.

Мы можем все!

Или почти все.

И редко, очень редко принимались меры для того, чтобы выделить лишь одно здание. Ведь чем больше гигантских сооружений, тем лучше! Есть «Подсолнух», но есть и «Дядя Степа». Неподалеку от Статуи Свободы растут величественные небоскребы. Эйфелева башня кажется коротышкой на фоне причудливой, спиралью устремленной ввысь «Раковины»... Удивить! Восхитить! Чем грандиознее постройки, тем сильнее и богаче считается город. А вот в Новом Орлеане рассуждали иначе. Согласно местному закону, высотные здания разрешалось строить лишь в нескольких местах, и то до определенной высоты, а ночную подсветку небоскребов тщательно проверяли городские власти. Ибо из каждой точки города и днем и ночью должен открываться вид на грандиозный храм Иисуса Лоа. На монументальный собор черного камня, что поднялся над старым городом много лет назад. На его километровую башню, увенчанную огромной статуей. На две его колокольни, по семьсот метров каждая. На основное здание, высотой почти двести метров.

Люди должны видеть свой храм. Должны помнить о Традиции, под сенью которой живут. Должны помнить о Католическом Вуду.

Чтобы попасть в главный храм, в пульсирующее сердце Традиции, раскинувшей крылья почти над всей Америкой и Африкой, требовалось пересечь гигантских размеров площадь, на которой, бывало, собиралось до миллиона человек. Затем надо было подняться по лестнице из тринадцати пролетов и пройти в двери. Но не в центральные двери – стрельчатые произведения искусства пятидесятиметровой высоты, на которых темнели бронзой все святые духи Лоа. Не в них. Парадный вход открывался исключительно по праздникам, а в обычные дни посетители попадали в главный храм Католического Вуду через небольшие боковые двери. И оказывались в грандиозном помещении, сводчатые потолки которого смыкались на двухсотметровой высоте.

Все без исключения люди, впервые попавшие в храм Иисуса Лоа, переживали потрясение. Легкий аромат благовоний, приглушенные удары барабанов, что всегда звучали в храме, а главное – ощущение нереальности происходящего, невозможности самого существования подобной постройки били наверняка: неофиты и сомневающиеся выходили из храма убежденными приверженцами Католического Вуду. Верующие же частенько впадали в экстаз, вызывая радостный переполох у окружающих.

Храм Иисуса Лоа был велик во всех смыслах. Являлся не только символом, но возведенной в камне проповедью.

При этом высшие иерархи Католического Вуду, хотя это и покажется странным, появлялись в главном помещении храма крайне редко, только по настоятельной необходимости. И площадь, на которую падала гигантская тень Иисуса Лоа, они недолюбливали, предпочитали приезжать в святыню через сеть подземных дорог. Высшим иерархам не нравилось ощущать себя маленькими и слабыми, а это чувство появлялось у каждого, кто шел к храму в тени Иисуса Лоа; им не требовалось читать безмолвную проповедь камня, ибо они знали о силе Традиции гораздо больше, чем могла рассказать величественная постройка.

Высшие иерархи Католического Вуду считали себя не менее значимой частью Традиции, чем главный ее храм, а потому они (и те, чьи честолюбие и сила позволяли надеяться войти в число избранных) проникали в главную святыню просто и буднично, по-деловому.

Каори оставила машину на последнем уровне подземной парковки, на лифте поднялась на тринадцатый этаж, прошла по знакомому коридору и без всякого волнения толкнула дверь в приемную самого Ахо, настоятеля храма Иисуса Лоа. Встреченные по дороге монахи-замбийцы, призванные поддерживать порядок в святыне, лишь расступались и кланялись – Каори здесь прекрасно знали. Секретарь настоятеля, симпатичная девчонка в плотно облегающем пышные формы белом платье, при появлении мамбо торопливо вскочила и даже сделала попытку открыть дверь в кабинет, но не успела – Каори двигалась слишком быстро, не торопливо, но стремительно. Девчонка лишь плотно затворила не до конца закрытую дверь

и тихонько выдохнула – она побаивалась приехавшую к Ахо мамбо. Которая, оказавшись в кабинете настоятеля, сменила деловитую стремительность на почтительную неторопливость.

– Долгих лет жизни, отец.

Девушка опустила на одно колено и склонила голову.

– Долгих лет жизни, Каори.

Облаченный в традиционные белые одежды Ахо встал из-за стола, подошел к замершей у двери девушке и, после того как та поцеловала ему руку, помог подняться.

– Рад тебя видеть.

– Я тоже рада встрече, отец.

– Моя маленькая Каори...

Но ни слова, ни сопровождавший их жест – настоятель притянул девушку к себе и нежно поцеловал в лоб – не были похожи на поведение любовника. Скорее – отца. Ахо был наставником Каори в сосьетте, именно он, разглядев в семилетней девчонке гигантский потенциал, превратил ее в первоклассную мамбо, а потом, заняв высший пост в Католическом Вуду, потянул Каори за собой.

– Ты превосходно выглядишь.

Он усадил девушку в кресло, а сам пристроился напротив, на диване.

– Спасибо, отец.

В отличие от Ахо, внешность которого выдавала чистокровного кафра, в Каори смешалось много кровей. В чертах ее изящного, привлекательного лица можно было угадать не только предков-дагомейцев, что плыли некогда в трюмах невольничьих судов, но и индейцев, китайцев, испанских конкистадоров и английских пиратов. По крови, что текла в жилах Каори, можно было воссоздать историю Америки.

– Впрочем, этот комплимент тебе можно говорить постоянно.

– Ты слишком добр ко мне.

– Нет, Каори, добры к тебе духи Лоа. А я говорю то, что вижу.

Матовая кожа – кофе с большим количеством молока, большой рот с пухлыми, едва-едва вывернутыми губами, ямочки на щеках – смешение кровей породило цветок редкой красоты. Вопреки распространенному среди мамбо поверью о связи длинных волос с колдовской силой, Каори не боялась стричься и обожала замысловатые прически. Сейчас ее густые волосы были собраны в тринадцать аккуратных, похожих на маленькие розы, пучков, равномерно расположенных на голове. И странная прическа, способная испортить внешность иной женщины, лишь добавила девушке привлекательности.

– Мне понравилось, как ты донесла мое неудовольствие до архиепископа Карвалья, – мягко произнес Ахо.

Возжаждавший власти духовный лидер Боливии принялся плести интриги, настраивая монсеньоров против настоятеля храма Иисуса Лоа. Слухи дошли до Ахо, и он отправил ученицу уладить возникшую проблему.

– Архиепископ оказался невосприимчивым к аргументам, – ровно ответила Каори. – И даже попытался продемонстрировать мне свою силу.

Причем не только колдовскую. Карвалья не воспринял сексапильную посланницу Ахо всерьез и попытался ее изнасиловать.

– Не думал, что ты с ним справишься.

– Разве настоятель храма Иисуса Лоа выберет выразителем своего неудовольствия слабака?

– Это не было экзаменом, Каори, – улыбнулся Ахо. – Я действительно думал, что архиепископ проявит разум и воспримет мои доводы. Но мне не жаль, что я ошибся. – Настоятель помолчал. – Ты очень сильная мамбо.

– Духи Лоа добры ко мне.

– Да, – согласился Ахо. – Добры.

Согласно официальной версии Карвалья умер от сердечного приступа. Именно так заявила Каори ворвавшимся в апартаменты слугам. Спорить с ней, с головы до ног забрызганной кровью еще не остывшего архиепископа, не осмелились – Карвалья был сильным хунганом, и связываться с победившей его колдуньей никто не решился. Пышные похороны мятежника прошли вчера, монсеньор удостоился собственной гробницы в склепе архиепископов храма Иисуса Лоа, а уже вечером прислуживал Ахо за ужином: настоятелю нравилось превращать своих врагов в зомби.

– Теперь тебя ждет задача менее опасная, но тоже интересная. И очень важная.

– Я слушаю, отец.

Ахо посмотрел на девушку, и где-то глубоко, на самом дне глаз, мелькнуло легкое неудовольствие. Каори олицетворяла новые веяния Католического Вуду, являлась образцом подражания для многих молодых адептов, привносила в классические правила дух непокорности. Впрочем, разве Вуду олицетворяет темницу и послушание? Отнюдь. Традиция, рожденная в борьбе за свободу, всегда приветчала гордых и самолюбивых. Именно поэтому старые монсеньоры лояльно относились к вызывающему поведению молодежи – пусть перебесятся. Рано или поздно они поймут преимущество классических правил и сделают выбор. Лучших из них Замби приведет в дом. А остальные могут вести себя как хотят и носить что хотят.

И поэтому Ахо, несмотря на всю свою приверженность к традиционным одежам, не сделал замечания девушке, явившейся в храм в не подобающем для мамбо виде. В черной одежде, которая великолепно оттеняла матовую кожу.

В этом возрасте большинство выбирает черное, еще не понимая, что настоящая сила не в умении убивать, а в умении добиваться своего. Черная вязаная блузка с рукавами до локтя коротким балахоном спадала до пояса, ее широкий, от плеча до плеча, вырез не открывал взглядам грудь и спину, зато выгодно подчеркивал красивую шею девушки, на которой извивалась черная татуировка замбийского монастыря. На длинных ногах – черные брюки из тончайшего «паучьего» шелка, способного и эротично прилипнуть к коже, выделяя каждую точку, и плавно развеяться на ветру. Туфли на высокой шпильке – Каори относилась к тому типу женщин, которые умели и никогда не уставали ходить на высоких каблуках. Но если в одежде она отдавала предпочтение черному, то все ее украшения были зеркальными. Но не зеркально-стеклянными, а зеркально-стальными, сделанными из отполированного до идеального состояния металла. Глаза скрывали тонкие, плавно изогнутые очки, целиком зеркальные – и отполированная оправа, и стеклопластик. Легкие, почти невесомые, но необычайно прочные и насыщенные огромным количеством электроники, они заменяли Каори глазные наноэкраны. Сережки в ушах – два малюсеньких металлических зеркала, в которых желающий, если таковой найдется, может рассмотреть бородавку на собственном носу. На правом запястье неширокий браслет, чешуя блестящих пластин, и такой же ремень на брюках, что появлялся на виду, когда свободная блузка поднималась вверх, демонстрируя пояс и плоский животик девушки.

«Духи Лоа действительно добры к тебе, Каори, поэтому тебе многое разрешается».

Ни одна другая мамбо не осмелилась бы заявиться к настоятелю в столь фривольном наряде. И это при том, что обнажения во время обрядов были обычной практикой, а стиль жизни мамбо далек от целомудренного. Но одно дело церемонии и личная жизнь, и совсем другое – будни.

– Помнишь, я рассказывал тебе о человеке по имени Хасим Банум?

– Вы упоминали еще одно имя – Урзак, – немедленно ответила Каори.

– Я рад, что ты не забыла эту подробность.

– Вы говорили, это очень опасный человек. Информацию о подобных людях я стараюсь не забывать.

– Сильный, да, очень сильный. Опасный? Не знаю. – Настоятель потер подбородок. – Урзак стоит вне Традиций и никому не мешает. Более того, он помогал шейхам, оказывал услуги китайцам и даже, если верить некоторым документам, способствовал святому Мботе.

– Урзак настолько стар?

– Никто не знает, когда он родился.

– Опасный человек.

Ахо улыбнулся.

– Сегодня я узнал две новости. Первая: есть вероятность того, что Урзак скоро умрет. Точнее – его убьют.

– Я должна узнать, кто это сделает?

Появление еще одного опасного и сильного человека не осталось без внимания Каори.

– Это было бы неплохо, – вздохнул настоятель, – но, боюсь, невозможно. У нас нет информации, где находится Урзак и чем занимается. Известно лишь то, что дело крайне опасное даже для него.

Девушка промолчала.

– А вот вторая новость напрямую связана с тобой, Каори. Совету архиепископов стало известно, что Урзак написал книгу. Историю своей жизни. Книга хранится в его европейском доме и, вполне возможно, завещана шейхам, с которыми Урзак тесно сошелся в последнее время.

Задание показалось не очень интересным.

– Я должна ее выкрасть?

– Не совсем, – покачал головой Ахо. – Обстоятельства таковы, что осуществлять эту операцию будет другой человек, ибо нам не известны ни местонахождение дома, ни время смерти Урзака, если она, конечно, наступит. А тот человек будет располагать и той, и другой информацией. Он выкрадет книгу и передаст ее тебе. А ты доставишь ее в Новый Орлеан. Нам важны эти мемуары, Каори, Урзаку есть что рассказать.

– Я все поняла, отец.

Каори сделала движение, чтобы подняться, но Ахо взглядом усадил ее обратно.

«Хорошая, умная, сильная девочка, но, увы, немного торопливая. Не живет, а бежит...»

– Не спеши. – Выдержал короткую паузу. – Если ты добудешь книгу, это станет большой победой. Я смогу ввести тебя в Совет мамбо.

Совет мамбо и Совет хунганов составляли два звена управления Католического Вуду, над которыми стоял только Совет архиепископов. Каори достаточно юна, она может стать самым молодым членом Совета мамбо за всю его историю. А из него так удобно подбираться к красному плащу монсеньора...

Невозмутимость девушки исчезла. Она сняла очки, и Ахо впервые с начала разговора увидел ее чудесные сапфировые глаза. Необычные и притягательные.

– Книга настолько важна?

– Очень важна.

– Я ее добуду, – твердо произнесла девушка.

– Вот именно, Каори, именно ты должна ее добыть. – Настоятель вновь выдержал короткую паузу, но, заметив в глазах девушки непонимание, вздохнул и разъяснил: – В том, чтобы привезти книгу из Европы в Новый Орлеан, героического мало. Такой подвиг членов Совета не убедит. Я же планирую рассказать, что именно ты вскрыла дом Урзака. Сама. Авторитет Банума велик, и этот рассказ укрепит твою репутацию мамбо.

– Но в дом Урзака пойдет другой. – На губах девушки заиграла улыбка. – Значит, тот человек, о котором ты упоминал, должен умереть.

– Я не упоминал никакого человека, – рассмеялся Ахо. – О чем ты, Каори?

* * *

*Территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
Качественный сыр – главная деталь любой мышеловки*

Любой город, любой Анклав на планете состоит из одинакового, в общем-то, набора районов, что подчеркивается случающимися иногда совпадениями названий. Если сохранились исторические кварталы, они, скорее всего, будут «старым городом». Деловой центр традиционно именуют «Деловым центром» или «Сити». Дорогие районы, застроенные для проживания элиты, частенько несут в своем названии что-нибудь зеленое, экологически чистое: «сад» или «парк». Над наименованием кварталов среднего класса (высшего среднего, среднего среднего и низшего среднего) особенно не задумываются, как правило, смысл их названий давно потерялся. Совсем же глухие трущобы приобретают новые клички: нью-йоркский «Крысятник», «Помойка» в Санкт-Петербурге... Никто и не помнит, что когда-то эти районы звались Бруклином и Озерками.

Вот уже десять лет, с тех пор как он поселился в Мюнхене, Вим Дорадо жил в районе среднего класса, в хорошо известном баварской богеме «Доме гениев» – небольшой колонии «людей искусства», среди обитателей которого попадались личности и творчески одаренные, и творчески одержимые. Квартиры в «Доме гениев» делились так же, как и жилые районы: для элиты, среднего класса и остальных. «Элита» – более-менее удачливые художники, имеющие постоянную работу музыканты и колумнисты местных изданий, мечтающие стать великими писателями, – занимала четырех-пятикомнатные апартаменты на верхних этажах, с малюсенькими спальнями и большими гостиными, в которых периодически устраивались шумные вечеринки, бывшие центрами культурной жизни «Дома». Впрочем, до настоящей творческой элиты обитателям колонии было далеко, и многокомнатные апартаменты снимались в складчину, двумя, а то и тремя парами. Средний класс «гениев» селился в одно-двухкомнатных квартирах с удобствами. Остальные проживали в «дюжинах» – одинаковых, как почтовые коробки, комнатах двенадцати квадратных метров; их входные двери выходили в общий коридор, в конце которого находились душ (налево) и туалет (направо).

Вим, считающийся «гением» с положением, мог бы позволить себе квартиру на верхних этажах, однако предпочитал оставаться в скромной угловой «двушке», провоцируя сплетни о собственной скаредности. Истинная же причина нежелания менять жилье на более престижное заключалась в другом. Окна «двушки» выходили на узкий переулок, преодолеть который, в случае необходимости, не составило бы труда: всего один прыжок с подоконника на невысокую крышу бойлера соседнего дома. Несколько шагов – и стена скрывает тебя от преследователей, затем двадцать метров бега, еще один прыжок – и ты уже во дворе, откуда ведут четыре выхода на разные улицы. Очень удобно.

Дорадо делал все, чтобы каждая из его жизней текла сама по себе, чтобы друзья тапера Вима Дорадо никогда не узнали о dd198819, но о мерах безопасности позаботился.

– Музыкант, привет!

Махмуд Бауэр появился из общественной уборной в тот самый миг, когда Вим спускался по лестнице. Долговязый, лохматый и, как обычно, слегка навеселе. Махмуд не утруждал себя напоминанием имен даже тех людей, кто одалживал ему деньги чаще других, предпочитал обращаться ко всем знакомым по косвенным признакам.

– Привет, – кивнул Вим. – Как дела?

– Дай пару динов до завтра!

– Извини, не при деньгах.

- Врешь, – уверенно заявил Бауэр и схватил Дорадо за рукав. – Пойдем.
- Куда?
- Покажу кое-что.

Вим не торопился и позволил Махмуду увлечь себя в «дюжину». Неубранная кровать, давным-давно не стиранное белье которой радовало взгляд всеми оттенками серого, ободраный стол – два компьютера, два монитора, несколько листочков с нотами, какие-то мелкие гаджеты и коробочки из-под дешевой, купленной на улице еды. Над столом дешевый коммуникатор, настроенный на новостной канал: толпа разъяренных людей, подожженные мобили, разбитые витрины, трупы... В правом верхнем углу пометка: «Moscow Live».

– В русском Анклаве бунт, – сообщил Бауэр, перехватив взгляд Дорадо. – Наши с индусами дерутся. – Широко улыбнулся, продемонстрировав крупные желтые зубы. – Прикольно.

Съемки с вертолета перемежались «взглядами очевидцев» – многие люди грузили в «балалайку» программы, позволяющие качать увиденное на серверы информационных агентств, редакторы которых вставляли наиболее интересные кадры в новостные блоки. Гоноаром в данном случае служило имя живой камеры, помещенное в нижней части экрана, – пятнадцать минут славы. Вот кто-то наблюдает, как толпа осадила дом: стрельба, взрывы гранат. Дети, бегающие по разоренным улицам. А вот съемка участника погрома: взматывается вверх рука с зажатым в кулаке камнем, бросок, пару мгновений картинка скачет, после чего фокусируется на разбитой витрине. Победный клич. Дурак, что еще скажешь – сам собрал доказательства для дознавателей СБА.

- Нравится смотреть на беспорядки?
- Помогает в работе над проектом, – хмыкнул Махмуд, выключая звук.

Вопли, выстрелы и бормотание комментаторов ушли, осталась лишь картинка. Вим заставил себя отвести взгляд.

- Что за проект?
- А ты никому не скажешь? – подозрительно осведомился Бауэр. – Только между нами?
- Клянусь, – вздохнул Дорадо.
- Тогда смотри! – Левую руку Махмуд запустил в длинные волосы, правой же взялся за «мышь» и вывел на монитор изображение какой-то пещеры. – Я пишу дополнение к «Мстителю Шао-Линь»! Маньяк Даниил Кремлевский пытается взорвать земное ядро! Четырнадцать уровней, не меньше ста часов игрового времени. Круто, да? Представляешь, сколько рекламы можно будет загрузить в это дополнение?

Последние фразы Бауэр выпаливал скороговоркой, не отрывая взгляд от монитора, на котором мелькали пещеры, пустыни, огромные человекообразные роботы и грудастые красотики. В рейтинге мировых онлайн-игр виртуалка «Мститель Шао-Линь» делила третье место с «Ковбоем и Тварью», и тысячи одержимых творческим зудом программистов мечтали написать для нее удачное дополнение, искренне надеясь обыграть десятки высококлассных машинистов и профессиональных сценаристов, работающих над развитием игры каждый день с девяти до шести с перерывом на обед. Впрочем, некоторым удавалось вытянуть счастливый билет. Год назад дополнение «Смерть жизни», выведшее виртуалку «Принцесса Ли» на твердое второе место в мировом рейтинге, сделало миллионером никому не известного машиниста из Ванкувера.

- Что тебе нужно от меня, Махмуд?
- Напиши звуковые эффекты, – попросил Бауэр.
- Звуки выстрелов и шипение земного ядра?

Творческая личность не почувствовала иронии.

– Ты же музыкант, – с жаром произнес Махмуд. – Напиши какую-нибудь три-па-па-па и все такое. Ты же умеешь. Качественный саунд – это сила. Двадцать процентов твои.

Щедрое предложение было сделано не просто так: после заключения сделки Бауэр соби-
рался вернуться к просьбе ссудить до завтра пару динаров.

– Тебе нужен композитор, а не простой музыкант, – улыбнулся Дорадо. – К тому же я
недолюбливаю современные «три-па-па-па-па», предпочитаю классику.

– Есть разница? – поинтересовался будущий миллионер.

– На уровне ощущений.

Махмуд задумался.

Жизнь в независимых Анклавах имела достаточно весомых плюсов, чтобы уравновесить
очевидные недостатки. Перенаселенность, дороговизна, практическое отсутствие социальных
программ, но при этом – мягкие законы, точнее – едва ли не отсутствие таковых, и максималь-
ная свобода. Все возрастающее количество запретов и ограничений, которые правительства
накладывали на своих граждан, жителей Анклавов не касались.

Казалось бы, человеку, работающему с опасными контрактами, сама судьба велит посе-
литься в Анклаве, однако Дорадо предпочитал относительно спокойный Мюнхен. Виму нра-
вились рискованные операции, однако жить на лезвии бритвы он не хотел, будучи по харак-
теру не пиратом, а рейдером – нанес удар, получил свою долю адреналина и золота и укрылся
до лучших времен. Да и нравилась Дорадо его вторая (или первая?) жизнь. Нравилось высту-
пать на публике, играть любимую музыку для жующих, болтающих и флиртующих, но все-
таки слушателей. Нравилось, что его ценят и зовут в разные города. Мюнхен и Вена, Милан и
Неаполь, Франкфурт, Ланданабад, Эль-Париж... Дорадо играл по всему Исламскому Союзу, и
его частые гастроли помогали скрывать отлучки в рейды за золотом и адреналином.

Помогали таперу Виму Дорадо скрывать от окружающих dd198819.

Термин «dd» – сокращение от dark dog – появился пятнадцать лет назад. Вывалился
в сеть вместе с новым сервером, предлагающим «особые услуги», а информационные ленты
заполнили броские рекламные слоганы: «Без проблем избавим от проблем!», «Идеальное
предложение для людей, переживающих временные трудности», «Абсолютная безопасность
и абсолютная анонимность!». Защита сервера находилась на самом высоком уровне, адреса
клиентов тщательно шифровались, а досье на агентов содержали лишь перечень выполненных
контрактов и предпочтения самих dd: «Не желаю участвовать в акциях устранения», «Берусь
только за возвращение похищенного», «Готов на все». «Темные собаки» позиционировали
себя как идеальные наемники, которые не задают вопросов, ничего не знают о заказчике,
готовы работать через цепочку посредников и получать вознаграждение только по выполне-
нии контракта. И люди «с проблемами» быстро оценили достоинства нового сервера. Жена
слишком много хочет при разводе? Кинул деловой партнер? Полиция не может найти похи-
щенную вещь? Новые игроки на рынке «особых услуг» брались за любые контракты и выпол-
няли большую их часть. У сервера начала складываться репутация, им вплотную занялись
спецслужбы, однако прижать dd не получилось. Сеть – это информационное море, и невоз-
можно взять под контроль каждую его каплю. Заблокируешь прямой адрес: через пять минут
возникнет миллион кривых направлений, начнешь отслеживать адреса посетителей по вызо-
вам – наткнешься на программу встречного прикрытия: компьютер сообщит любопытствующим
спецслужбистам, что перебирает каталоги сетевого гипермаркета или фотографии звезд,
а его хозяин тем временем общается с менеджерами dd через зеркало в монгольской юрте.
В конце концов, полиция и СБА отстали от dd по той простой причине, что среди клиентов
сервера появились солидные люди – у верхолазов ведь тоже случаются проблемы, требующие
радикального решения, но о которых не расскажешь СБА. Верхолазы любят устраивать друг
другу подлости, а наемники лучше всего подходят на роль исполнителей. Именно это обстоя-
тельство позволяло оставаться в сети серверам dd и других объединений наемников, Консор-
циума Транснациональных Перевозчиков – контрабандистов, способных обеспечить доставку

чего угодно и куда угодно, и даже печально известной Ассоциации Поставщиков Биоресурсов – ведь только они могли прислать почку или печень, взятые у гарантированно здоровых, специально для этого выращенных жителей третьего мира.

Рано или поздно запрещенные услуги могут потребоваться любому члену общества. Даже очень законопослушному.

Постепенно «темные собаки» стали самым востребованным сообществом наемников на планете. Менеджеры dd могли подобрать исполнителя для любого контракта, а сами агенты чувствовали себя защищенными от любых случайностей. Основная прелесть работы dd заключалась в том, что ею можно было заниматься в свободное время: подбирать интересные лично тебе контракты, исполнять их, а затем... а затем бывало так, что днем офицер полиции расследовал преступление, которое совершил ночью, или известный тапер читал на новостном сайте о перестрелке в Штутгарте, перед тем как отправиться играть классическую музыку в дорогой мюнхенский ресторан.

«Добро пожаловать в современный мир! Добро пожаловать на сервер dd!»

Ни имен, ни фамилий, ни фотографий. Только порядковый номер. И если зайти на рейтинговую страницу сервера, то на шестом месте можно отыскать dd198819. Работает не часто, но очень аккуратно, никаких заказных убийств, никаких акций устрашения, предпочтение – «Возвращение утраченного имущества». Это и есть вторая (или первая?) жизнь Вима Дорадо.

Насколько все-таки приятно пользоваться официально зарегистрированной «балалайкой»! Ощущать себя полноценным членом общества и по-настоящему спокойно реагировать на черные зрачки сканирующих твой затылок устройств. Выходя на улицу, Вим получил последнее напутствие от компьютера «Дома гениев»: «Возможны кратковременные дожди, вы не забыли зонтик?» Одновременно появился значок холодильника, напоминающий, что закончились молоко и яйца. Еще одно сообщение – счет от обслуживающей здание компании.

Дорадо поймал такси, назвал водителю адрес, а сам принялся разбираться с делами: оплатил квартиру, заказал недостающие холодильнику продукты – курьер оставит их в ящике на первом этаже, проверил официальный банковский счет, убедившись, что владелец ресторана перечислил деньги за два предстоящих вечера.

Милая рутина, размеренные будни.

Власти Исламского Союза пропагандировали чинную и сытую жизнь. Не нужно потрясений, не нужно ни о чем думать. Соблюдай законы, соблюдай правила, и все будет хорошо. Закончи школу, затем училище или институт, работай, зарабатывай, заводь потомство, а если не хочешь потомства, то и не надо – людей в Европе и так больше, чем нужно. Принимать ислам необязательно: в полицию берут граждан любого вероисповедания, правда, начальником тебе не стать, но это уже ерунда. Зато можно даже стать депутатом по квоте для немусульман, следить за соблюдением Европейской хартии равноправия и уважения. Христианские либералы гордятся тем, что их жены имеют право ходить по улицам без хиджаба. Правда, разумные женщины этим правом не пользуются, но оно у них есть. Это называется демократическими принципами. А вот за совершенное преступление христианина будут судить по законам шариата, но это уже называется иначе: социальным мироустройством и общественным порядком, покушаться на которые либералы не рискуют.

Впрочем, подобные материи мало занимали Дорадо – в этой своей жизни он не собирался нарушать законы.

Вим вышел из такси у Изарских ворот, расплатившись за поездку электронным переводом, и неспешно прогулялся по улицам – такова его легенда на случай расспросов: гулял, ходил по магазинам. Он даже зашел в зоомагазин, который содержал добродушный храмовник Стефан. Дорадо нравилось смотреть на причудливых тварей, которых можно увидеть лишь во сне или у генетиков Мутабор: птеродактилей с мозгами попугаев, щенят сторожевых терьеров, еще веселых, немного нелепых, только готовящихся стать беспощадными убийцами, и

на хит нынешнего сезона – добродушных амфибий, переливающихся всеми цветами радуги. Путешествие по историческому центру завершилось у ближайшей станции метро, на котором он добрался до района Blumenmarkt, одной из нескольких мюнхенских территорий, жители которых с пониманием относились к скрывающим лица наномаскам. А также к отсутствию в положенном месте «балалаек» и к расчету наличными. Даже в благополучном Мюнхене есть паршивые овцы.

Много паршивых овец.

Район, выросший вокруг небольшого цветочного рынка, практически полностью контролировался преступными кланами. Здесь было царство незаконных коммерческих сделок и запретных развлечений. Местные женщины демонстративно не носили хиджаб, а мужчины могли себе позволить выпить на улице бутылку пива.

А еще Blumenmarkt остался единственным районом Мюнхена, в котором можно было отведать свиных сосисок. И говорили в нем только по-немецки.

Наномаску Дорадо натянул в туалете подземки. И там же, убедившись в отсутствии людей и видеокамер, связался с Сорок Два с помощью незарегистрированного коммуникатора.

– Привет!

Напарник отозвался сразу:

– Соскучился по работе?

– Говорят, контракт очень выгодный.

– Посредник предлагает сто тысяч, но думаю, есть возможность поторговаться.

– В чем подвох?

– Вроде все чисто. Кроме того, что посредник запросил личную встречу с исполнителем.

Правило вести дела только через сеть не являлось для dd законом, ибо во многих случаях клиенты предпочитали лично или через посредников инструктировать агентов, не желая раскрывать нюансы контракта даже менеджерам dd.

– Кто посредник?

– Чезаре Кодацци.

– Мы его знаем?

Своего напарника-машиниста Вим никогда не видел, общался с ним исключительно по делам, исключительно через сеть и исключительно по псевдониму: Сорок Два. Через пару месяцев после знакомства Дорадо спросил, почему Сорок Два, а не Тридцать Восемь? И услышал: «Потому что Сорок Два – это ответ на Самый Главный Вопрос». Псевдоним был выбран неслучайно – напарник оказался кладезем самой разнообразной информации, но при этом слегка помешанным на числах: Вима Сорок Два называл Девяткой, объяснив, что эта цифра является результатом сложения порядкового номера Дорадо в списке агентов dd.

– Чезаре Кодацци – миланский юрист, специализирующийся на экспортно-импортных операциях. Фирма у него небольшая, консультирует он только мелких промышленников, вот и приходится подрабатывать...

– Жучок, – понял Вим.

– Да, – подтвердил Сорок Два. – Кодацци известен нам пять лет. Он работал посредником в девяти контрактах, и все они завершились успешно.

– Что о нынешнем деле?

– Кодацци связался с менеджерами и сказал, что контракт связан с похищением. Дал список желаемых dd. Круче тебя там только 165441...

«Третье место в рейтинге, – машинально вспомнил Дорадо. – Специализация та же – „Возвращение утраченного имущества“».

– Но 165441 сейчас занят. Следующий в списке – ты.

«Ему нужен опытный вор...»

– Встреча через пятнадцать минут.

- Дождись меня, – попросил Вим. – Я позвоню сразу после встречи.
- Тебя что-то смущает?
- «Меня всегда все смущает!»
- Дорадо улыбнулся и покачал головой:
- Не каждый день предлагают контракт на сто тысяч динаров.

Кодацци назначил встречу в «Мотыльке», самом крупном развлекательном комплексе района Blumenmarkt. Шесть подъездов, подземная парковка с двумя воротами, неизвестное количество потайных ходов, и никаких видеокамер в большинстве помещений. «Мотылек» контролировали албанцы, которые любили получать информацию, но не отдавать ее.

Впрочем, как и большинство нормальных людей.

– Покажи затылок.

– Пожалуйста.

Вим приподнял плотно облегающую голову наномаску, позволяя спутнице адвоката увидеть пустое гнездо. Первое правило личных встреч dd с посредниками – никаких записей. «Балалайки» следует вытаскивать заранее.

– Все в порядке.

Второе правило гласило, что dd может прийти на встречу в наномаске, и в ста случаях из ста агенты так и поступали. А вот посредникам прятать лица запрещалось – это называлось «Правом на месть». Посредник мог выследить агента, узнать, кто он и где живет, и устранить после операции. Если же dd удавалось выпутаться из такой переделки, то он мог указать менеджерам сервера на обидчика. Разумеется, в наши дни сменить лицо нетрудно, вокруг полно подпольных пластиков, готовых провести нехитрую операцию за разумные деньги, но придется менять официальную «балалайку» (если она есть), а это уже следы в сети и лишние вопросы.

– Ваши головы можно посмотреть?

– Смотри. – Адвокат и девчонка продемонстрировали Виму пустые гнезда. – Формальности улажены?

– Ага.

– Отлично, камрад, тогда давай приступим к делу.

«Интересно, где макаронник мог подцепить это словечко: „камрад“? Уж точно не в Итальянской автономной области Исламского Союза».

Камрадами называли друг друга солдаты Иностранного легиона, причем только в тех частях, где правили бал выходцы из Баварского султаната. У гражданских это словечко на язык не ложилось. Впрочем, Виму доводилось видеть ребят, щеголявших знанием армейского сленга... Плохим знанием. Позеры.

– К переговорам, – уточнил Дорадо. – Дело будет позже.

– Любишь точные формулировки, камрад?

– Не люблю неясные.

– Молодец.

Это замечание dd оставил без внимания.

Изначально Кодаци показался Виму типичным посредником: в меру нахальный, в меру самовлюбленный, в меру умный. Как и большинство жучков, Чезаре держался с оттенком превосходства, небрежно намекая, что знает гораздо больше, чем говорит, и вообще является серьезным человеком. Крупной рыбой, так сказать. В свою очередь, Дорадо прекрасно понимал, что Кодаци знает ненамного больше, чем скажет – таков удел посредников. А вот спутница адвоката заставила Вима насторожиться.

Трансер. Причем – дорогой трансер. Кожу девушки обработали нанами, сделав абсолютно гладкой и блестящей, будто у пластмассовой куклы. Искусственные ресницы обрамляли пустые голубые глаза. Короткие волосы больше не росли, залитые наногелем пряди лежали на

голове в неестественно правильной и вечной прическе. Кто-то очень постарался, превращая девчонку в живую игрушку. Мелкому жучку такая спутница не по карману, а значит, либо трансер представляет настоящего заказчика, либо...

– Тебе сказали, сколько я плачу?

– Да.

– И не пытайся развести меня на большую сумму, камрад, не получится. Сто штук – и точка. Дело не самое сложное.

«Так он служил или нет?» – Вопрос сбивал Дорадо с толку, мешал сосредоточиться на переговорах.

«А это важно?»

«Не знаю».

«Это не важно. Потому что если бы Кодацци хотел скрыть свое прошлое, он бы избавился от этого словечка. Да и что ты встрепенулся? Мало, что ли, подозрительных людей прошло через Иностранный легион?»

– Почему дело стоит так дорого?

– Потому что клиенту важен контракт. Он хочет получить лучшего dd, который добудет имущество и не станет задавать ненужные вопросы ни сейчас, ни потом.

– Что за «ненужные вопросы»?

– Об имуществе.

– А что за имущество?

– Скажу, если ты готов взяться за дело.

Кодацци вел себя правильно: манера поведения выдавала мелкого жучка, которому повезло выйти на крупный контракт. Сколько причитается ему? Десять тысяч? Пятьдесят? Не важно. Кодацци заинтересован в контракте.

Но при этом Дорадо ощущал в происходящем некую фальшь. Ощущал не на рациональном, сознательном уровне, а интуитивно, с помощью того дара, что позволял ему угадывать настроение публики.

«Он что-то скрывает!»

«Все что-то скрывают».

– Операция требует конкретного профессионала – специалиста по возврату имущества. Мне нужен спокойный, избегающий излишнего насилия dd, который сможет забрать добычу и уйти с ней. Вор, а не грабитель.

Трансер молча кивала, подтверждая слова адвоката. Вим понял, что времени у него немного: еще пара минут – и посредник закончит встречу.

«Сто тысяч динаров!»

«Что-то здесь не так».

«Он ведет себя, как обычный посредник».

«Не уверен».

«Сорок Два сказал, что ему можно доверять. Девять выполненных контрактов».

«А если его самого подставляют? Зачем здесь трансер?»

«Кажется, я понял, откуда взялась фальшь!»

«Откуда?»

«Наверняка заказчик велел Кодацци заплатить dd больше. Тысяч сто пятьдесят, а то и двести. А парень решил прикарманить часть суммы».

«Звучит правдоподобно».

– Если ты пришел сюда молчать, dd, то я, пожалуй, откланяюсь. У меня много дел. Дорадо оглядел недовольную физиономию адвоката и буркнул:

– Я согласен.

– Очень хорошо, камрад!

Судя по тому, как повеселел Чезаре, предположения Вима были верны – от этого пирога адвокат приготовился откусить большой кусок. Трансер никаких эмоций не проявила, впрочем, кукольное лицо для этого и не предназначалось.

– Здесь ты найдешь подробную схему здания, прилегающей территории, а также план операции, которого ты будешь тщательно придерживаться. – Кодацци вытащил из кармана мини-диск и протянул его Дорадо. – Изучай материал. Точное местонахождение дома я сообщу перед самым исполнением.

Такова участь dd – они все узнают в последний момент.

– Если я сочту, что план неудачный... – начал было Вим, но адвокат его оборвал:

– Ты все равно будешь его придерживаться, камрад.

– Почему?

– Потому что иначе ты в дом не попадешь.

– Это что, шутка?

– Я что, похож на клоуна? – Заключив контракт, Чезаре почувствовал вкус к приказному тону. – Заказчик особо подчеркнул, что отступление от плана недопустимо. Ты обязан его соблюдать.

– В любой дом можно войти с разных сторон.

– Только не в этот.

– А что с ним не так?

– Изучай материал, – посоветовал Кодацци. – И не потеряй вот это. – Рядом с мини-диском оказалась маленькая коробочка. – То, что внутри, в плане называется «предметом А».

– «Предметом А»?

– Да, «предметом А», – серьезно произнес адвокат. – А то, что тебе нужно добыть, в плане называется «имуществом». Не перепутай, камрад.

– Теперь я могу узнать, о чем идет речь?

– Теперь можешь. – Чезаре помолчал. – В доме хранится написанная от руки книга. Рукопись, в буквальном смысле этого слова. Ее-то ты и должен добыть.

В первое мгновение Дорадо даже не понял, о чем идет речь.

«Рукопись?»

«Текст, написанный от руки».

«В наши дни? Что за бред?!»

«Видимо, речь идет о ценном раритете. Какая-нибудь историческая реликвия».

– В доме есть другие книги?

– Там обширная библиотека.

– Как я узнаю, какую книгу брать?

– Изучай материал, – в третий раз повторил Кодацци, кивая на мини-диск. – Там все сказано. Ты получишь сто тысяч динаров, dd, но при этом обязуешься не открывать книгу, не читать ее и не пытаться скопировать. Твое дело найти ее и доставить мне. Понятно?

– Да.

– На подготовку у тебя двое суток, камрад. За это время ты вызубришь план и соберешь необходимое снаряжение. Затем я укажу место, куда ты отправишься ждать сигнал к началу операции. По оценке заказчика, в засаде придется провести от двух до пяти суток. В случае отмены операции ты получишь двадцать тысяч за беспокойство.

– Я хочу получить их сейчас.

– Хорошо, – помедлив, согласился Чезаре. – Деньги я переведу сегодня.

«Не слишком ли легко он согласился?»

– Что-нибудь еще?

– Я не верю, что вы платите сто тысяч только за то, чтобы я не открывал книгу, – неспешно произнес Вим.

- И не станешь болтать о тех нюансах, которые прочтешь в инструкции.
- Тем не менее. Какие еще сюрпризы меня ждут?
- Могут ждать, – уточнил адвокат.
- Хорошо. Какие еще сюрпризы могут меня ждать?
- Профессионал, да? – Кодацци улыбнулся.
- Давно в бизнесе.
- Ладно, камрад, ты бы все равно прочел это в инструкции, но, раз уж ты «давно в бизнесе», скажу и на словах: возможно появление полиции.
- Их будет интересовать книга?
- Их будет интересовать весь дом. В том числе и книга.
- Мои действия в этом случае?
- План предусматривает появление полиции. Ты получишь преимущество во времени, и за тебя будет играть фактор внезапности: полицейские не ожидают конкурентов.
- Вот теперь Дорадо понял, что услышал большую часть правды. Заказчик хотел опередить власти и поэтому платил так много.
- «Сколько же он предложил на самом деле?»
- Двадцать тысяч должны быть у меня к вечеру.
- Будут, – пообещал Кодацци. – Обязательно будут.
- Как встреча, Девятка?
- Позже, – отрывисто бросил Вим. – Сорок Два, их двое: мужчина в темном костюме и девушка-трансер, похожая на куклу. Найди их!
- Из «Мотылька» нет выхода в сеть, – напомнил машинист.
- Ищи через уличные видеокамеры!
- Это важно?
- Да! – Дорадо понял, что напарник принялся за дело, а потому сменил тон, начал говорить менее торопливо: – Кодацци сделал странное предложение. Выгодное, но странное. Я согласился, но хочу подстраховаться, хочу побольше узнать об адвокате.
- Есть подозрения?
- Есть интуиция.
- Тогда зачем согласился?
- Сто тысяч динаров, Сорок Два, это весомый аргумент.
- Золото и адреналин, да, Девятка?
- Да. Золото и адреналин.
- Все, Девятка, заткнись и не мешай!

Компьютерный зал занимал большую, примерно сто квадратных метров, комнату без окон. Ровные стены окрашены в бежевый цвет, аккуратные решетки вентиляции, пластиковый пол, безликая дверь с электронным замком – все свидетельствовало о том, что помещение находится в стандартно отремонтированном корпоративном или государственном здании. Работавшие за компьютерами люди тоже не отличались от обычных работяг-машинистов: приевшиеся и, кажется, навечно закрепленные за офисами костюмы – пиджаки и жакеты. Сейчас они висят на спинках стульев. Блузки и сорочки, белые или голубые. Психопроводы из затылков – в системные блоки. На столах – чашки с кофе и фотографии. Большинство мужчин бриты наголо, эта мода появилась среди машинистов два года назад. Большинство женщин предпочитает белый лак для ногтей, по слухам – любимый Поэтессой. Впрочем, большинство – понятие в данном случае относительное. В огромной комнате всего пятнадцать человек. Их столы не выстроены в ряд, не прячутся друг от друга за перегородками, а хаотично разбросаны вокруг гудящих в центре помещения высоких, почти под потолок, серверов, для которых принято

выделять отдельные комнаты. По этим нюансам можно определить, что компьютерный зал не принадлежит ни корпорации, ни госучреждению. И еще запах... Легкий, едва уловимый, сладковатый. Он чувствуется, когда вскрываешь ампулу с «синдином», однако он настолько слаб, что сразу улетучивается, остается за гранью восприятия. Но если ампулы в замкнутом помещении вскрывать часто, если в тумбочке каждого стола прячется упаковка с одноразовыми шприцами, то запах постепенно накапливается. Запах «синдина», наркотика, с помощью которого подключение «балалайки» к сети становится полнее, ярче. Запах правоверных нейкистов.

– А теперь заткнись, Девятка, и не мешай!

Перед Сорок Два четыре монитора, на которые поступает информация с мощных компьютеров, но главное всех – «раллер», именно к нему идет психопривод из затылка машиниста, именно над его клавиатурой порхают руки Сорок Два, именно в нем связываются воедино производимые остальными компьютерами действия.

Машинный зал мюнхенского сервера dd работает круглосуточно. Люди меняются, уходят отдыхать, оттрубив смену, компьютеры же продолжают гудеть до тех пор, пока не сломаются, и покидают комнату, чтобы отправиться на свалку. Непрерывность гарантирует постоянный доступ к нужным ресурсам. По этой же причине ведущий европейский сервер dd находится в Мюнхене, а не в более безопасном Анклаве – работать с местными базами данных проще изнутри. Три человека из пятнадцати занимаются контролем за бесперебойным функционированием каналов в давным-давно взломанных базах данных. Их задача – не допустить утраты доступа, не позволить машинистам сетей обнаружить присосавшихся к информационному потоку чужаков и еще – защита сервера. Эти трое – высокотехнологичные ломщики, знающие защитные программы от А до Я. От этих троих на девяносто процентов зависит деятельность сервера dd. Эти трое чаще других вскрывают маленькие ампулы. Именно благодаря этой троице Сорок Два смог сразу же, не отвлекаясь на ненужные дела, заняться просьбой Вима.

Набрав всего четыре слова в командной строке, Сорок Два подключился к Департаменту общественной безопасности мюнхенского Европола, после чего вызвал видеокамеры, расположенные вокруг «Мотылька», и вывел их изображения на три монитора.

– Опиши клиентов подробнее.

– Кодацци невысокий, не более ста семидесяти, но плотный. Волосы темные, глаза большие, чуть навывкате, нос крупный, губы толстые. Женщина трансер похожа на куклу, очень характерная внешность, как будто пластиковая... – Дорадо опомнился: – Сорок Два, какая, к черту, внешность? Уверен, они выйдут из «Мотылька» в наномасках!

– Я должен проверить все варианты, – отрезал машинист.

Описание было скудным, программа распознавания выдавала слишком много подходящих мужчин, и Сорок Два приходилось тяжело. К тому же большинство гостей «Мотылька» предпочитало прятать лица. Как не ошибиться? Как выбрать именно того, кто нужен? Ведь Кодацци и трансер могли выйти из комплекса порознь! Наверняка так и сделали!

– Еще что-нибудь! Ну! Родинка, шрам? Что-нибудь!

– Нет у него примет, – огрызнулся Вим.

– Проклятие!

– Сорок Два, постарайся...

– Пошел ты... Стоп! – Машинист уставился на монитор. Прокрутил запись назад, удовлетворенно хмыкнул: – Попались.

– Ты молодец! – Вим не почувствовал облегчения, скорее радостное возбуждение – погоня только начиналась.

– Они выехали на мотоцикле с подземной парковки. Кодацци за рулем, девчонка сзади.

– Ты уверен, что это они?

– Девчонка не успела натянуть шлем в гараже и попала на глазок видеокамере.

Сорок Два торопливо обработал кадры: увеличил изображение, почистил, заставил компьютер просчитать неудачно снятые участки, после чего удовлетворенно подтвердил:

- Да, второй пассажир мотоцикла – трансер с кукольным лицом.
- Не упусти!
- Постараюсь.

Взяв след, Сорок Два почувствовал себя гораздо увереннее. Первая задача – программа распознавания обрабатывает данные с видеокамер, не выпуская из поля зрения мотоцикл. Подзадача – следить за тем, чтобы пассажиры не разделились. Вторая задача – идентификация мотоцикла...

- Хитрец...
- Ты что-то сказал?
- Он взял мотоцикл напрокат.
- Кто бы сомневался!
- Я должен проверить все варианты.

По мониторам, перескакивая с окна в окно, мчался мотоцикл. Останавливаться Кодацци явно не собирался, поэтому Сорок Два решил вернуться к началу разговора:

- Что тебе показалось странным?
- Надо украсть рукопись.
- Исторический раритет?
- Вроде того.
- В чем странность?
- Кодацци дал мне какой-то амулет с иероглифами. И сказал, что проникнуть в дом можно будет только тем способом, что он укажет.
- Мало ли психов вокруг? – пробурчал машинист.
- Но не каждый сумасшедший платит сто тысяч, – парировал Дорадо.
- Тоже верно.

Сорок Два задумчиво почесал бровь и тут же выругался.

- Что случилось?
- Наши друзья заехали на подземную парковку «Пряничного домика», там нет видеокамер.
- Подождем.
- Подождать-то подождем, – согласился машинист, – но вряд ли чего-нибудь добьемся: под «Пряничным домиком» находится станция метро.
- И там нет видеокамер, – понял Вим.
- Выведены из строя. – Сорок Два помолчал. – Извини, напарник, мы их потеряли.

* * *

*Территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
Верный друг в наши дни большая редкость*

- С какой целью вы прибыли в Баварский султанат?
- Я путешествую, изучаю наследие европейских цивилизаций.

Ни грана иронии, ни капли сарказма в голосе – три таможенника, пристально уставившиеся на Каори, имели полное право не допустить ее в страну, а потому девушка вела себя предельно осторожно. Да и привыкла она к подобным допросам на границах: информация о пассажирах поступала заранее, и ее, мамбо Католического Вуду, всегда встречали особо.

- Вам известно, что в Баварском султанате запрещена пропаганда Вуду?

Несмотря на то что между Европой и странами истинной веры установлены прочные дипломатические и экономические связи, хитрые арабы выбрали послушный Ватикан и не желали допускать на свою землю новую ветвь христианства. Новую и агрессивную.

– Католического Вуду, – не удержавшись, поправила таможенника Каори.

Арабы промолчали.

– Я не в первый раз посещаю Исламский Союз и знаю правила, – негромко сказала девушка.

– Вы подтверждаете, что целью вашего визита не является пропаганда Вуду?

– Подтверждаю.

– Ваши слова записаны. Я обязан предупредить, что в случае нарушения данного обещания вы будете арестованы и преданы суду. И тогда, согласно пункту двадцать четыре Договора между Исламским Союзом и Соединенными Штатами Америки, вы будете лишены дипломатической неприкосновенности, если она у вас есть, и осуждены по законам шариата.

– Мне это известно.

Через соседний коридор прошел прятка. Высокий мужчина, из носа которого выходили наполовину вживленные в кожу пластиковые трубки. Боевик корпорации Мутабор. Но у него паспорт Анклава, и за ним стоят психи из Храма. В Исламском Союзе без восторга относились к догматам Мутабор, но храмовников старалисьшний раз не задевать – с лучшими в мире генетиками предпочитали поддерживать хорошие отношения. А вот ее, представительницу куда более мощной и уважаемой Традиции, прессуют от души.

Унизительные проверки на границах давно стали частью жизни Каори, но это не означало, что она к ним привыкла.

«Ублюдки!»

– Пожалуйста, снимите очки.

Девушка подчинилась.

Увидев сапфировые глаза, самый молодой таможенник облизнул губы и что-то произнес по-арабски. Что именно, Каори не расслышала, поэтому «балалайка», в которую была загружена программа-переводчик с аммия, не сработала. Однако, судя по улыбкам старших товарищей, паренек отпустил какое-то скабрезное замечание. Молодой таможенник с самого начала разговора ощупывал взглядом стройную фигурку девушки и теперь обратил свои впечатления в дурацкую шутку.

«Козел!»

– Добро пожаловать в Баварский султанат, – скороговоркой пробормотал таможенник, возвращая Каори паспорт. И совсем другим, более весомым тоном добавил: – У нас комфортные тюрьмы, мамбо, в которых соблюдаются права заключенных.

– Не надейтесь.

Могла ли она въехать в Европу инкогнито? Теоретически – да. Проникнуть в Баварию под чужим именем, преодолеть границу нелегально – способы есть, но все они связаны с необходимостью менять внешность. Каори принадлежала к свите Ахо, Европол имел на нее пухлое досье и отслеживал появления девушки в Союзе. Программы распознавания образов изучали всех пересекающих границу пассажиров, выборочно работали в городах, обрабатывая данные с уличных видеокамер, и если бы ее засекли – а ее обязательно засекли бы рано или поздно, – то немедленно начали бы охоту. Каори же любила свое лицо, ни разу в жизни не ложилась под нож пластика, предпочитая даже временной операции унизительную проверку на границе и негласный полицейский надзор, от которого легко избавиться в случае необходимости.

– Дорогая, как же я соскучился!

Каори улыбнулась, увидев букет белых роз, и тут же, не сдержавшись, радостно взвизгнула – Папа Джезе схватил девушку в охапку и закружил. Папа Джезе, единственный мужчина, с которым Каори не стеснялась вести себя искренне. Завизжала, как маленькая девочка, как

семнадцатилетняя дура, неожиданно встретившая подросткового кумира, прижалась щекой к щеке, почувствовав знакомую шершавость небрежно выбритой кожи, и зажмурилась:

– Джек!!

И настроение, казалось безнадежно испорченное таможенниками, улучшилось.

– Каори!

Крепко поцеловал в губы, оторвался, не отпуская объятий, с улыбкой посмотрел на девушку.

– Моя маленькая красавица.

И снова впился в ее губы.

На них оглядывались. В первую очередь потому, что в Исламском Союзе не принято целоваться в публичных местах. Во вторую – из-за внешнего вида. Довольно дерзкий, подчеркнуто сексуальный наряд Каори бросал вызов местным порядкам, однако и Папа Джезе выделялся из толпы. Долговязый, два с лишним метра ростом, с белыми волосами, он любому костюму предпочитал черный фрак старинного покроя с обязательным цилиндром, шелковые рубашки и лакированные остроносые туфли. Он бы привлек внимание и в девятнадцатом веке, чего уж говорить о нынешних временах?

– Не думала, что встречу тебя здесь.

– Я специально прилетел из Франкфурта.

– Кто тебе сказал о моем визите?

– Ахо.

Настоятель знал об отношениях, что связывали его верных слуг.

– И ты примчался...

– Бросил все, дорогая, отложил дела и примчался.

А бросать было что. Папа Джезе носил титул архиепископа Баварского, духовного лидера адептов Католического Вуду от Адриатики до северных морей и при этом он был единственным чистокровным европейцем, сумевшим войти в число высших иерархов Традиции.

– Когда ты уезжаешь, Джек?

«Насколько коротким будет наше свидание?»

– После того, как ты закончишь свои дела.

– Ты и о них знаешь?

– Я решил немного помочь. Не делом – советом. Если ты не возражаешь, конечно.

И снова поцелуй. Порой Каори казалось, что она возбуждается при одной только мысли о Папе Джезе.

– Не возражаю, – прошептала девушка и искренне закончила: – Спасибо.

– Через два часа состоится совещание, послушаем последние новости. А пока в отель?

– В отель, – улыбнулась Каори, располагаясь на заднем сиденье лимузина. Чуть изогнулась, чуть повела бедрами, и тонкая ткань платья подчеркнула каждый изгиб тела, выделила бугорки напрягшихся сосков.

У архиепископа раздулись ноздри. Он покачал головой, усмехнулся и надавил на кнопку, отсекая салон от водителя непрозрачной перегородкой.

– До отеля я не дотерплю.

– Джек... – Каори откинулась на спину, почувствовала, как руки мужчины разводят ее бедра, и закрыла глаза: – Джек...

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз

Мюнхен, столица Баварского султаната

В дураке сомнения пробуждают беспокойство, в умном – осторожность

Главная проблема жизни в государствах – желание властей контролировать все и вся. Государство уверено, что ему гораздо лучше, чем гражданам, известно, чем они должны заниматься, а чем нет, и потому на свет появляются многочисленные законы, иногда противоречащие друг другу. Кроме того, власти отчего-то считают, что каждый гражданин или подданный априори им чем-то обязан, и претендуют на часть его доходов, а это приводит к появлению мощных налоговых служб. А еще большинство правительств свято верит в то, что оружие в руках населения представляет опасность. Понять чиновников можно: если стволов на руках мало, каждый из них зарегистрирован и заполучить его в собственность чрезвычайно сложно, то вероятность вооруженного мятежа стремится к нулю – людям нечем стрелять в обидчиков. Чиновники чувствуют себя в безопасности и могут принимать законы любой степени дурости. Потрясений нет, государство кажется крепким, а вооружены лишь военные, полицейские и бандиты. Всем остальным приходится лавировать между ними, стараясь выжить.

Власти Исламского Союза к стволам в руках подданных относились без восторга, а потому необходимое для работы снаряжение Вим хранил не дома, а на специальной квартире, в которую он и заехал перед тем, как отправиться в указанное Кодацци место засады. Естественно, квартира находилась в Blumenmarkt, и естественно, Дорадо натянул наномаску еще до того, как подъехал к границе района.

- Вокруг тихо, – сообщил Сорок Два через коммуникатор.
- Спасибо.
- Квартиру не вскрывали.
- О'кей.

Приятно, когда о тебе заботится всезнайка. Сорок Два был превосходным ломщиком, и Вим не раз задавался вопросом, случайно ли его ведет такой серьезный специалист? Впрочем, он не сомневался в том, что был не единственным dd в ведении напарника: Сорок Два наверняка прокручивает значительно больше дел.

Дорадо припарковал мобиль у тротуара, вошел в дом и пешком поднялся на нужный этаж. Пятеро встреченных по дороге человек – трое подростков, дородная тетка и старик – были местными, Вим видел их во время прошлых посещений квартиры. Никто из них с ним не заговорил, никто не кивнул – в Blumenmarkt люди стараются не лезть в чужие дела. Тем более в дела тех, кто приезжает изредка и не снимает наномаску.

Прислушавшись к совету Сорок Два, Дорадо оснастил квартиру по последнему слову техники. Неприметная снаружи дверь была выполнена из монолитного титапластового листа. Замок с виду обычный, но с вложенным в ключ чипом – напарник гарантировал, что уличные воришки еще не научились обходить его схему. Внутри – сигнализация с двойным дублированием, случись проникновение, Вим узнал бы о нем с вероятностью девяносто девять процентов.

- Я буду поглядывать по сторонам, но ты не затягивай сборы, Девятка, договорились?
- Хорошо.
- Двадцати минут хватит?
- Вполне.

Тем более что все уже продумано.

Учитывая, что действовать придется за городом, в уединенной местности, а возможно, и ночью, Вим решил не прибегать к излишней маскировке – взять обычный комбинезон из кевлайкры, удобный и стандартный. Даже если наткнешься на камеру, это ничего не даст: лицо скрыто наномаской, а безликих комбинезонов, одинаково любимых и бандитами, и полицейскими, шьется миллион штук в неделю. Затем в рюкзак легли бронежилет, мягкие ботинки и боевой пояс, вещи недешевые, украденные не с обычных военных складов, а из обеспечения любимого султаном десанта, потому – качественные.

Собирался Дорадо не торопливо, но быстро, однако, открыв оружейный шкаф, ненадолго остановился. Стволы у Вима были разнообразные и в отличном состоянии: «дыроделы», пара «дрелей», дробовик обычный и со спилленным прикладом, штурмовая винтовка, снайперская винтовка и шестизарядный ручной гранатомет. «Дыроделов» семь, начиная от малюсенького «лемура», который легко скрыть даже в рукаве пиджака, и заканчивая автоматической «береттой», которая покидала шкаф всего лишь один раз. Тяжелые пушки Дорадо не любил, хотя в случае необходимости спокойно работал и с «береттой», и со здоровенным и надежным «рудобоем» производства «Науком». Тяжелый «дыродел» требует больше внимания, с ним надо часто тренироваться, поэтому гораздо увереннее Вим чувствовал себя со средними пистолетами.

Изначально Дорадо планировал взять с собой одну из «дрелей» – компактный скорострельный автомат ближнего боя, однако в последний момент передумал, остановив выбор на излюбленной паре «Браунингов Y10» – нетяжелых пистолетов, идеально подходящих для руки Вима. Шутили, что самой увесистой частью Y10 был магазин с четырнадцатью патронами, и в этой шутке была доля правды – по мере расстрела боеприпасов «дыроделы» становились почти невесомыми, что особенно удобно при стрельбе с двух рук. Работать «по-македонски» считалось среди профессионалов пижонством, но у Вима были хорошие учителя, поставившие ему отличную технику.

- Готов?
- Почти.
- «Прибор А» не забыл?
- «Предмет А», – беззлобно пробурчал Дорадо.
- Это я и имел в виду, – хихикнул Сорок Два.

Амулет из коробочки оказался гладким камушком с выгравированными иероглифами. Внутренности без подвоха – подозрительный напарник посоветовал Виму просветить «предмет А» наноскопом и успокоился лишь после того, как сканирование не выявило спрятанных чипов. Находящаяся на мини-диске инструкция настоятельно рекомендовала надеть амулет перед операцией, в противном случае даже не соваться к дому, и этот ее раздел служил источником постоянных шуток Сорок Два.

- Думаю, все дело в гоблинах, Девятка.
- Тогда уж в кобольдах.
- Нет, напарник, китайцы не умели бороться с кобольдами.
- Много ты знаешь о китайцах.
- Я знаю все!
- Рад за тебя.

«Предмет А» смущал Вима, однако во всем остальном инструкция Кодацци оказалась продуманной и выверенной до последней мелочи. Подход, проникновение, расчет времени до прибытия полиции, отход. Варианты отхода на случай, если полицейские окажутся у дома раньше намеченного времени. Варианты отхода на случай начала массированной полицейской операции. Слабых мест в инструкции не было. Во всяком случае, на первый взгляд. Было странное место – «предмет А», и в мыслях Дорадо вновь и вновь возвращался к нему.

- «Для чего нужен амулет?»
- Девятка, двадцать минут истекли.
- Понял.

Вим поправил наномаску, закинул рюкзак на плечо и вышел из квартиры.

«В конце концов, я имею дело с исторической реликвией, кто знает, сколько легенд вокруг нее наплетено? Возможно, заказчик верит в эту чушь, вот и решил украсть книгу по всем мистическим правилам».

А сто тысяч динаров – это сто тысяч динаров.

«Адреналин и золото!»

* * *

*Территория: Европейский Исламский Союз
Мюнхен, столица Баварского султаната
Кто-то ищет правду*

Это был небольшой христианский собор, скромно притулившись на одной из окраин Мюнхена. Невысокий, совсем невпечатляющий, зато действующий, посылающий восточки Богу, чего нельзя было сказать о главных храмах старого города, давным-давно превратившихся в музеи и «памятники архитектуры».

Орган выдал несколько последних, особенно величавых нот и умолк. Служба закончилась. Редкие прихожане поднялись со скамеек и, после обязательного подхода к священнику, потянулись к выходу. И лишь один человек остался на месте. В самом первом ряду. Невысокий, крепкий на вид мужчина, просидевший всю службу, низко опустив голову, и если бы не периодические движения рукой – мужчина осенял себя крестным знаменем, – могло бы показаться, что он спит.

– Я могу помочь, сын мой?

– Да... – Мужчина ответил, не отрывая взгляд от четок с распятием, которые перебирал в руках. – Поговорите со мной, отец.

– Что вас беспокоит, сын мой?

– Моя вера.

Священник коротко вздохнул и присел рядом.

Человек слаб, поэтому его Традиция должна быть сильной. Ее мощь придает силу, укрепляет веру. К Богу каждый идет в одиночку, но если у тебя много попутчиков, ты понимаешь, что выбрал правильный путь. Понимаешь на подсознательном уровне, понимаешь сердцем, понимаешь душой. Если же попутчиков мало, а рядом стоят тысячи тех, кто выбрал другой путь... Если ты видишь их силу и свою слабость... Если ты не веришь в будущее... Тогда твоя вера дает трещину.

Если ты не видишь будущего, прошлое тебя не удержит.

Священник не раз общался с людьми, чья вера покрывалась червоточинами сомнений, старался им помочь, приободрить, утешить. Но тех, кто хотел говорить о своих сомнениях, становилось все меньше. Большинство предпочитало молчать, таить в душе, пытаться справиться самостоятельно, а потом, когда не оставалось сил жить с ощущением поражения, просто уходить.

– Вы потеряли веру в Господа нашего?

– Хуже, отец.

– Вы убедились в существовании дьявола?

Современный мир – не самое комфортное место для жизни, слишком много опасностей, слишком много соблазнов, приводящих к катастрофе. Что случилось с этим человеком?

– Еще хуже, отец, – глухо ответил мужчина.

– Что может быть хуже, сын мой?

– Я был в Новом Орлеане, отец, я видел храм Иисуса Лоа. Я видел миллион людей, что собрались на Пасху. Я видел... Не по коммуникатору, нет – своими глазами. Я стоял рядом с ними, в тени километровой башни...

– Вера – это не только высота соборов, сын мой.

– Я стоял рядом с этими людьми, стоял в толпе. Я видел их глаза и слышал, как повторяют они слова молитвы. Я слышал, как орган сплетался с барабанами Лоа. Я ощущал силу их веры,

отец. – Теперь мужчина поднял взгляд и посмотрел на священника. – Я ощущал силу их веры, отец. Я ощущал то, чего не чувствую здесь.

Сила веры устремлена не вверх, к колокольне собора или величественной статуе. Сила веры устремлена вперед, в будущее. Господь дарит надежду, уберет ее, и останутся лишь слова.

Может, все началось, когда молитва перед едой из ритуала превратилась в обычай? Когда фраза «Господи, помоги!» превратилась в поговорку? Когда знаменитые соборы, в которых искали утешения, превратились в «памятники архитектуры»? И туристы стали проявлять к ним значительно больший интерес, чем те, для кого они построены? Или еще раньше? В тот миг, когда некий умный человек увидел, что люди без особых проблем относятся к смене правителей, что королей меняют якобинцы, тех – императоры и республиканцы, а общество остается стойким и жизнеспособным. Увидел и понял, что цементирует людей отнюдь не власть человеческая.

– Вас впечатлила мощь еретического учения?

– Очень хорошо, что вы сказали «мощь», отец, и не добавили: «ложная».

Священник мысленно укорил себя за неверно построенную фразу. Похоже, в борьбе за эту душу он только что потерпел первое поражение.

– Вуду извратило Католичество.

– Или придало ему сил?

– В фокусах колдунов нет ничего божественного.

– Но есть сами фокусы, которые адепты считают чудесами. А в нашей церкви давно не случалось чудес.

Высота храма тоже имеет значение. Если ты силен сегодня, легко поверить, что ты будешь силен и завтра. И послезавтра. И всегда.

– Господь – пастырь наш, а не владелец бродячего цирка. Он не должен являть свою силу на каждой воскресной ярмарке, а лишь тогда, когда сочтет нужным, и тем, кто этого достоин.

– Если бы Господь знал, что здесь творится, он бы наверняка посетил пару-тройку воскресных ярмарок.

«Ноль-два». Священник почувствовал, что краснеет. К счастью, в полумраке храма порозовевшие щеки были не слишком заметны, да и мужчина вновь вернулся к изучению четок.

– Вы не задумывались над тем, что данная ситуация ниспослана нам Господом как испытание?

– Думал, – признался мужчина. – Только эта мысль не позволяет мне сойти с ума.

– Стойкость веры, искренность и уверенность в ней всегда являлись одной из добродетелей, – воодушевленно продолжил священник.

– Господь отбирает достойных?

– Ну, если рассматривать данную ситуацию столь узко...

– Значит ли это, отец, что в скором времени нас ожидает день Страшного Суда?

– Замысел Господа нам неизвестен.

– Почему?

– Потому, сын мой, что не придуман еще коммуникатор, способный дозвониться на небеса. И никогда не будет придуман. Потому, сын мой, что вы привыкли находить в сети ответы на любые вопросы, но здесь... – священник обвел руками храм. – Здесь вы должны искать их в себе. А это гораздо сложнее, чем бездумно прыгать с сайта на сайт, доверяя чужим текстам. Здесь вы должны копаться в маленькой, но очень большой сети под названием «ваша личность». Не получать заготовленные ответы, а сомневаться и страдать. И находить в себе силы.

Мужчина с удивлением посмотрел на священника.

«Один-два?»

– Не ожидал услышать подобное от вас, святой отец.

– А вот вы, к сожалению, не сказали ничего нового.

– Неужели?

Кажется, это его слегка покорило. Каждый сомневающийся мнит, что именно он первым поднял столь важные вопросы.

– Вы считаете себя единственным добрым католиком, который посетил Новый Орлеан на Пасху?

– Будь я проклят! – И тут же прикусил губу: – Извините, святой отец.

«Два-два?»

– Башни построены из камня, но даже самый твердый камень точит время. А вот вера времени не боится.

– Все на свете боится времени, – неожиданно процитировал мужчина старую книгу. – А время боится пирамид.

Священник вздохнул и признался себе, что не сумел разобраться в этом человеке.

– Пирамиды мертвы. А вера живет в вашей душе.

– А моя душа бессмертна.

– Да, сын мой, именно так.

– А что будет, если на Земле не останется душ, в которых живет наша вера? Если вся она уйдет в вечность, переселится к бессмертным душам, которым заказан путь сюда? Что будет, если наша вера покинет Землю? Что будет с Богом?

– Я делаю все, чтобы этого не произошло.

– Но что будет?

– До тех пор пока хотя бы в одной душе горит огонь нашей веры – она жива. В моей душе. В вашей. В душе вашего ребенка. Я верю, а значит, описанный вами сценарий никогда не наступит.

– Но вы умрете.

– На мое место придет другой.

Священник произнес эту фразу с такой убежденностью, что мужчина вздрогнул. И долго, почти минуту, не мигая смотрел на собеседника. А потом, не отводя взгляда, произнес:

– Спасибо, святой отец, вы очень мне помогли.

– Вы уверены?

– Я уверен в вас, святой отец. Я вижу, что вы верите искренне.

– В противном случае я бы не стал священником.

– Но я боюсь за вас. Боюсь, что вы разочаруетесь, подобно мне, и потеряете смысл жизни.

Что будет с вами тогда?

– Этого никогда не произойдет.

– А если?

– Идите с Богом, сын мой, – вздохнул священник.

Мужчина покачал головой:

– Надеюсь, Господь заснет ненадолго и не станет подглядывать за моей нынешней дорогой.

– И тем не менее.

Священник поднялся и сделал благословляющий жест. Мужчина опустился на колени и поцеловал ему руку.

– Простите меня, отец.

– В сомнениях нет ничего страшного, сын мой, главное – суметь их преодолеть.

– Не за сомнения прошу я простить, – прошептал мужчина. – Не за сомнения.

Уверенным, отточенным жестом он извлек из-под тонкой куртки пистолет и выстрелил священнику в голову. Пуля прошла снизу, через подбородок, и вылетела из макушки. На камни храма брызнула кровь.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз

Мюнхен, столица Баварского султаната

Отель «Дом Бедуина»

Счастье – это лишь мгновения, иначе бы оно не было счастьем

Она любила быть сверху. Любила сжимать его бедрами и чувствовать на них его руки. Любила, когда он садился и утыкался лицом в ее грудь, сжимал губами твердые соски. Любила в этот момент ворошить его соломенные волосы и, закрыв глаза, обнимать за шею. Любила, когда он становился нетерпеливым, когда руки его начинали требовать от нее активных действий, любила немного подразнить его, наслаждаясь мгновениями спокойной близости, мягкого слияния в одно целое, и только после, уступая все более и более настойчивым требованиям, становилась агрессивной.

И ее любовная ярость была достойна его мощи.

Как и ожидала Каори, встреча с Папой Джезе прошла бурно. А если быть совсем искренней, то слово «бурно» далеко не лучшим образом определяет тот ураган страстей, который охватил любовников. Стремительный секс в лимузине, затем торопливая регистрация в отеле, пара коктейлей на открытой террасе пентхауса «Восток»: «Дорогая, посмотри на этот чудный городишко...» – долгий поцелуй и спешное перемещение в номер. На диван, на кровать, на ковер... Они не виделись слишком долго – почти два месяца, и кто смеет обвинять их в том, что, встретившись, они позабыли обо всем на свете?

О повседневных делах баварского архиепископа. О приказе настоятеля храма Иисуса Лоа. О книге. И даже о Вуду. Обо всем.

Несколько часов полного единения друг с другом.

Несколько часов счастья.

Первым пришел в себя Папа Джезе. Когда Каори выключила в душе воду, до нее сразу же долетело окончание разговора, который архиепископ вел по коммуникатору:

– ...Стивен, не притворяйся малышом, это может сделать даже ребенок. – Пауза. – Короче, я занят, поэтому иди и сделай все сам, иначе превращу тебя в зомби, будешь работать с большим рвением, но мозгов у тебя не останется, понял? Я тоже не знаю, зачем они тебе... Вот и умница, не сомневался, что ты примешь правильное решение. – Далее последовало обычное для Папы благословение: – Пусть тебе помогут все духи Лоа, которых встретишь по дороге. Проваливай.

«Праздник закончился», – с легкой грустью подумала девушка.

И машинально прислушалась – на коммуникатор архиепископа пришел еще один вызов.

– Да? А, это ты, куколка... Нет, я не знаю, когда вернусь, потерпи. – Пауза. – Я же сказал: потерпи, длительное воздержание обостряет чувства. – Пауза. – И не разговаривай так со мной, а то именем Замби превращу тебя в черепаху... Что? Не волнуйся, куколка, я найду способ сделать с тобой это. Все, целую, да благословит тебя ближайший дух Лоа.

Два последних предложения Джезе произнес после того, как Каори вошла в комнату. Он валялся на кровати, увидев девушку, широко улыбнулся, отключил коммуникатор и швырнул его в кресло.

– Ты прелестно выглядишь, дорогая. Поехали куда-нибудь? Развеемся.

– Я слышала, у тебя полно дел.

– Ах, это... Одна молоденькая мамбо... – В его глазах заплясали веселые огоньки. – Девочка только что из сосетте, вот и приходится руководить буквально каждым ее движением.

Он не меняется. Он совершенно не меняется. Каори не смогла сдержать улыбку:

– Каждым движением?

– Приходится. – И снова улыбнулся. Обаятельно. Неотразимо. И похлопал ладонью по простыне: – Иди сюда.

Каори послушно улеглась на кровать, почувствовала, как его рука скользнула по ее ягодицам, как переместилась на бедра, и тесно прижалась плечом к единственному мужчине на свете, которого она... Нет, наверное, не любила. Или...

Ее отношение к Джезе являло собой странную смесь обожания и раздражения, счастливых мгновений и тоскливых минут, жуткого влечения и ненавидящей ревности. Когда Папа был рядом, Каори чувствовала, знала: он видит только ее, хочет только ее, думает только о ней. И девушка не обманывала себя: она умела отличать правду от лжи, искреннее поведение от наигранного – архиепископ ее любил. Но стоило им расстаться, как в постели Джезе мгновенно оказывалась другая женщина. И это сводило Каори с ума, заставляло скрывать, сдавливать чувства, не произносить важных слов даже в душе.

Папа Джезе. Человек-противоречие.

Титул архиепископа Папа получил не за красивые глаза, не за преданность Ахо, а благодаря силе хунгана и непоколебимой вере. Он обладал замечательным даром проповедника, люди, замороженные его красноречием, слушали Джезе и по два, и по четыре часа. Он добился того, что во Франкфурте Католическое Вуду стало религией номер два после ислама. Но кто еще из архиепископов мог позволить себе брякнуть при свидетелях: «Да благословит тебя ближайший дух Лоа»? Или: «Когда Замби был маленьким, он тоже не доставал до многих интересных мест, поэтому, куколка, встань на колени и доставь мне удовольствие так, как я прошу»?

Или он достиг всего только благодаря силе? А веру не принимал всерьез?

В свое время стремительная карьера Папы Джезе вызывала у иерархов Вуду большое удивление. Первый белый архиепископ за пятнадцать лет! Не мулат, не метис, а чистокровный белый! К тому же родившийся и выросший вдали от Карибского моря. Кардиналы, принятые в лоно Католического Вуду после Собрания Недовольных и сохранившие свои посты, не в счет: это было политическим решением. Предателей терпели, им оказывали почести, все они после смерти заняли места в склепе архиепископов храма Иисуса Лоа, но сменяли их черные монсеньеры. Те, что впитывали Вуду с молоком матери, те, в ком бурлила сила Лоа. И после того как последний предатель умер, белых среди высших иерархов Католического Вуду не было. До появления Папы Джезе, который попал в сосетте в пятнадцать лет, а в тридцать семь стал архиепископом – не всякий может похвастаться подобным взлетом.

«Вера в душе, а не в крови, – сказал он когда-то Каори. – Иногда мне кажется, что я немного опоздал с рождением: в моих жилах течет кровь крестоносцев. Я должен нести Слово истины, в этом мое предназначение».

А может, он шутил именами святых духов потому, что они ему позволяли?

– Ревнуешь? – Папа Джезе поцеловал девушку в щеку. – В твоих глазах появилась грусть.

– Я вспомнила о делах, – пробормотала Каори.

– Операция началась, нам остается только ждать.

Он нежно перевернул ее на спину и легонько сдавил губами черный сосок. Который немедленно затвердел. А рука продолжала ласкать бедра...

– Джез, я хочу поговорить с нашим dd.

Девушка попыталась абстрагироваться от прикосновений любовника, подавить вождение, но получалось плохо. Совсем не получалось, если говорить откровенно.

– Наш агент уже уехал из города.

– А ты его видел?

Папа с укором посмотрел на Каори, но ответил:

– Не успел. Я подключился к делу позже тебя, переговоры с dd вел местный хунган, который уверяет, что агенту можно доверять – он адепт Вуду.

Однако подпольно работающий в Мюнхене миссионер не проходил обучения в монастыре ордена Замби, за его плечами лишь обычное сосьетте. Он нес Слово, не силу, а потому девушка испытывала определенные сомнения...

– Мы вынуждены полагаться на человека, о котором ничего не знаем.

– В этом сила dd – полная анонимность.

– Но ведь наняли мы его не через сервер dd, а значит, у нас нет на него даже этого рычага влияния.

– Изменить ничего нельзя, – проворчал Джезе. – Агент ушел на задание, хунган ему доверяет, остается ждать...

Каори почувствовала, что Джезе входит в нее, и не стала сопротивляться. В конце концов, он прав – сейчас от нее ничего не зависит. А значит, можно провести время так, как хочется. Исполнить все свои желания...

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз

Северные Альпы

В старых домах таится множество сюрпризов

Дом, в котором Вим провел несколько следующих дней, оказался типичной немецкой постройкой – оштукатуренной коробкой с черепичной крышей. Он стоял на самом краю типичной же немецкой деревушки и, как понял Дорадо, предназначался для сдачи в аренду любителям горных прогулок. Еще один штрих, указывающий на продуманность предложенного Кодаци плана: базой dd стал дом для туристов, дом, в котором часто меняются обитатели, а потому местные жители не проявили к появлению чужака особенного интереса. Приехав под вечер, Вим поздоровался с ближайшими соседями, рассказал, что хочет побродить по горам, ушел спать, а все последующие дни не покидал строение, делая вид, что его здесь нет. И никто из соседей не заинтересовался, так ли это на самом деле.

Тихая пасторальная жизнь едва не ввергла привычного к ритму больших городов Вима в дремотное состояние. Вместо шумной толпы – редкие прохожие. Вместо сияния реклам – звезды на ночном небе. Вместо зловония из канализационных решеток – свежий ветер с гор. Иногда по узкой асфальтовой дорожке проедет трактор или мобиль. Пять раз прокричит муэдзин. И все. Чайхана, центр местной жизни, закрывается в десять. Все женщины в хиджабах. У всех мужчин есть работа.

Обычная баварская провинция.

Покой. Скука. Мысли о том, что именно в такое место следует переехать под старость. На второй вечер Дорадо заснул, позабыв закрыть входную дверь. Подскочил среди ночи, долго прислушивался, не пришел ли кто. Долго ругал себя за расслабленность. Долго думал, не стоит ли во время засады использовать для поддержания тонуса наркотики или стимуляторы. Снова ругал себя. В конце концов, заставил собраться.

Но как собраться? Ведь делать решительно нечего!

Пистолеты в полной готовности, ждут своего часа. Разбирать их и чистить нет никакого смысла, да и опасно – в любой момент может поступить приказ действовать. То же самое с машиной. Взятый напрокат «Ауди Дромадер» – неплохой внедорожник, хоть и мобиль – для Вима проверил Абдул Лепешка, классный механик, никогда не задающий лишних вопросов. Машина в порядке, полностью заправлена и, как и пистолеты, ждет своего часа. Лезть в нее – себе дороже. Да и пробежать «Дромадеру» потребуется всего ничего, километров пятьдесят, а то и меньше. На внедорожнике Дорадо планировал добраться до цели, а после операции отступить к небольшому городу, где в надежном гараже надежного человека его ждал другой мобиль

– в этой точке план Кодаци заканчивался, и дальнейшие передвижения Вим разрабатывал с Сорок Два.

Повторять план проникновения? Дорадо помнил его до последней мелочи. А если что и забудет, то напомним «балалайка», а если и она даст сбой – подскажет Сорок Два. Тарашиться в коммуникатор? А если какой-нибудь местный полицейский, из молодых и ретивых, заметит, что из якобы пустого дома открылся доступ в сеть?

Оставалось сидеть за плотно закрытыми жалюзи и думать.

Большую часть времени dd проводят в ожидании. В ожидании контракта, в ожидании удобного момента для его исполнения. Сначала ты не знаешь, выберут ли тебя на дело, затем стараешься его выполнить, последний вопрос: не обманут ли?

Жизнь наемника богата неприятными сюрпризами. Нельзя сказать, что «темных собак» часто подставляли, но бывало. Случалось, что планы заказчика резко менялись – и вторгающегося в дом dd поджидала засада. Рассказы о подобных случаях периодически появлялись на сервере и считались неизбежной издержкой профессии. «Право на месть» являло собой скорее надежду, нежели реально действующий закон: во-первых, следовало выбраться из переделки, во-вторых, отыскать посредника, в-третьих, попробовать через него выйти на заказчика. Цепочка длинная, и отомстить удавалось редко. В истории dd было всего четыре примера, когда менеджерам удалось наказать недобросовестного заказчика, правда, во всех случаях коллеги мстили за уже погибших dd, что Виму категорически не нравилось.

Но...

«Золото и адреналин!»

Неопределенность усиливала ощущение опасности, увеличивала дозу адреналина, заставляла сердце биться сильнее, резко контрастировала с размеренной жизнью популярного исполнителя классической музыки. Что, собственно, Виму и требовалось.

И если долгая засада его немного утомила, то короткое ожидание казалось ему не нудной обязанностью, а музыкальной фразой, плавной, немного затянутой прелюдией, необходимой, чтобы оттенить кульминацию, финальный взрыв страстей и эмоций, великолепное завершение симфонии, начало которому кладет пришедшее в «балалайку» краткое сообщение:

«Приступаем!»

И с этого момента все мысли и переживания перестают быть важными. Теперь ты знаешь, что должен делать. Теперь все зависит от тебя. Ты играешь эту музыку.

«Приступаем! У тебя двадцать минут!»

И в коммуникатор, а из него – в боевую «балалайку» Вима пошли координаты цели.

Дорадо выпрыгнул из кресла и помчался в гараж, зная, что Сорок Два уже открывает ворота и одновременно чистит компьютер дома, стирая все упоминания о присутствии в тихом местечке Вима. Не было никакого любителя горных прогулок. Не было, потому что не могло быть.

Был только неуловимый dd198819.

– Докладывает «Пост Один». У нас чисто!

– «Пост Два» – чисто!

– «Пост Три» – чисто!..

Операцию майор Аль-Гамби продумал с предельным тщанием, постаравшись учесть не только возможные, но и невероятные помехи. Генерал сказал, что никто, кроме полицейских, не заинтересуется домом Банума. Что ж, похоже на истину: связываться с Европоллом на его территории желающих мало. Однако подстраховаться не мешает, и потому Хамад окружил виллу несколькими круглосуточными постами, в задачу которых входило наблюдение за подступами к зданию. Одни полицейские изображали сезонных рабочих, другие – лесников и туристов, остальные, напялив армейский камуфляж, лежали в секретах. Входить за ограду дома

им категорически запрещалось, задерживать кого-либо – тоже, только наблюдать и докладывать об увиденном. Результатов эта мера не дала: за все время к вилле Банума так никто и не приблизился, однако позволила Аль-Гамби ощутить спокойную уверенность человека, сделавшего для выполнения поставленной задачи все, что возможно.

Не меньшее внимание майор уделил и непосредственному проникновению в дом. Шейх заявил прямо: «До моего прибытия пройти в здание сможете только вы, господин Аль-Гамби» – и объяснил, как это сделать. Один из вертолетов, базирующихся в Башне Стражей, поступил в полное распоряжение Хамада, расчетное время перелета – тридцать минут. На месте есть поддержка. Достаточно? Майор счел, что нет. Сидящие в засаде полицейские не входили в число лучших сотрудников Европола, рассчитывать только на них Аль-Гамби не хотел, а потому, воспользовавшись обретенными на время операции полномочиями, перевел на казарменное положение десять спецназовцев. Вполне возможно, что ребятам придется только слезать в горы и постоять у забора, пока Хамад будет обыскивать виллу, вполне возможно, что им даже не придется снимать с предохранителей автоматы, но... Но рисковать в этой операции Аль-Гамби не собирался – слишком много поставлено на карту.

В довершение всего Хамад сам перешел на казарменное положение, практически не покидал Башню, а потому, получив сигнал, смог вылететь сразу – всего через пять с половиной минут.

– «Пост Девять» – чисто!

Переключка, которую майор начал, едва вертолет покинул Башню Стражей, закончилась. Кажется, все в порядке. Полицейские рассыпаны вокруг дома, посторонние не замечены, через двадцать пять минут вертолет прибывает на место. Пора менять правила игры. Хамад подключил к своей «балалайке» внутреннюю связь вертолета – теперь его могли слышать спецназовцы – и произнес:

– Внимание всем! Начиная с этого момента вы обязаны задерживать любого направляющегося к дому Хасима Банума человека. Повторяю: любой человек или группа людей, направляющиеся к дому Хасима Банума, должны быть задержаны. В случае сопротивления – принять меры к уничтожению. Действующие до сих пор правила маскировки отменяются, вы можете представляться офицерами полиции. Дом Хасима Банума является собственностью Его Величества и находится под нашей охраной. Подтвердить получение приказа.

– «Пост Один» принял.

– «Пост Два» принял.

Третий пост промолчал.

Хамад насторожился.

– «Пост Три»! «Пост Три», ответьте!

Тишина. Спецназовцы переглянулись, в их глазах появились веселые огоньки: похоже, скучная прогулка превращается в веселую заварушку...

– «Пост Два» и «Пост Четыре»! Выделить по одному человеку для проверки «Поста Три»!

– Есть!

– Есть!

Остальные полицейские быстро доложили о получении приказа. Озабоченный Хамад перевел взгляд на пилота:

– Сколько еще лететь?

– Двадцать четыре минуты.

А третий пост до сих пор не отвечает. У них могла отказать связь, но возможны и другие варианты. Майор почувствовал нарастающее напряжение. Отключил все каналы, оставив на связи только спецназовцев.

– Ребята, у нас двадцать три минуты до возможного боестолкновения. Скорее всего, мне придется вас десантировать, так что проверьте снаряжение.

– Все будет о'кей, Хамад, – отозвался командир группы. – Найдём и убьём.

– Спасибо, Редха.

Парней, что летели в салоне, майор знал много лет. Их присутствие позволило ему немного сбросить напряжение.

«Все будет в порядке. У меня десяток профессиональных вояк, вертолет и неограниченные полномочия. Я справлюсь с любыми проблемами!»

Кстати, о полномочиях.

Хамад отключил спецназовцев и вышел на прямой канал связи с генералом Амином, шефом Третьего департамента баварского Европола – дорожной полиции.

– Господин генерал, говорит майор Аль-Гамби, к сожалению, я вынужден воспользоваться своими полномочиями, полученными согласно Директиве 1224.

Предписание, спущенное Аль-Кади начальникам департаментов, требовало оказывать Хамаду любое содействие. Наивысший приоритет. Рядом с печатью Европола – оттиск секретаря султана. С такой бумагой не поспоришь. Но Аль-Гамби догадывался, что высшим полицейским чинам не нравится подчиняться какому-то там генеральскому любимчику, а потому он говорил с Амином предельно вежливо.

– Я слушаю, майор.

Судя по голосу, генерал оценил почтительность младшего по званию. Аль-Гамби перешел на деловой тон:

– Необходимо как можно быстрее закрыть дороги на указанном участке. – В «балалайку» Амина отправилась карта с красным пятном, центром которого был дом Банума. – И объявить запрет на полеты.

– Что мы ищем?

– Пока ничего. Просто останавливаем движение. Это превентивная мера.

– Майор, вы представляете, что будет твориться на дорогах?

– Я догадываюсь, господин генерал. К сожалению, у меня нет выхода. Операция под угрозой.

Возможно, окажись на директиве 1224 только подпись Аль-Кади, Амин бы потянул время, вызвал бы шефа, уточнил, следует ли выполнять странный приказ майора, но печать султана сделала свое дело.

– От десяти до двадцати минут, – коротко произнес генерал. – Некоторые дороги раньше, некоторые позже. Запрет на полеты начнет действовать немедленно.

– Спасибо, господин генерал.

Но Амин уже отключился.

Хамад прекрасно понимал, что будет твориться на дорогах. Если события пойдут по самому плохому сценарию, то Северные Альпы скуют многокилометровые пробки. Недовольные граждане, возмущенные профсоюзы, воюющие предприниматели – и вся ответственность ляжет на него, на майора Аль-Гамби. Но третий пост до сих пор не вышел на связь! А за книгу Хамад отвечал перед самым султаном. Так что граждане могут потерпеть.

Майор открыл канал связи с полицейскими:

– Внимание всем! Приказываю начать движение в сторону дома! Повторяю: немедленно выйти к ограде дома! Во двор не входить! Занять позиции по периметру!

Чтобы добраться до цели, Дорадо потребовалось шесть минут. Вилла находилась всего в нескольких километрах от деревушки, и мощный «Ауди» шутя преодолел детское расстояние.

Действуя точно по плану Кодацци, Вим оставил машину на узкой лесной дороге и последние четыреста метров прошел пешком, легко находя указанные посредником ориентиры: боль-

шой, покрытый мхом камень, сломанное дерево, три дуба... Никаких препятствий. Никаких неожиданностей.

Открытый участок между опушкой и оградой дома Вим предпочел перебежать одним рывком. К забору вышел точно в указанном месте – у западного угла. Дополнительные приметы: старый колодец прямо по курсу и черешня чуть левее.

«Необходимо пройти по дорожке, что идет между колодцем и деревом. Во время проникновения внутрь агент обязан пройти по ней...»

И тогда, и сейчас этот приказ показался Дорадо чушью. Дорожка действительно присутствовала – аккуратная прямая, кратчайшим путем ведущая к дому. С одной стороны – колодец, с другой – черешня. И никаких других укрытий.

«Почему я должен идти по ней? На самом виду! Безопаснее пройти правее, вдоль сарая!»

Но инструкция требовала – только по дорожке! Этот приказ повторялся целых пять раз. Больше – семь раз – повторялось только распоряжение надеть «предмет А».

«Ладно, сделаю!»

Вим огляделся – никого, перепрыгнул через невысокую ограду, и... И сразу же почувствовал, что висящий на груди амулет нагрелся. Не раскалится, но стал ощутимо теплым, почти горячим.

– Что за черт?

– Что случилось? – немедленно отозвался Сорок Два.

– Амулет Кодацци нагрелся, – прошептал удивленный Дорадо.

– Сильно?

– Да! – «Предмет А» начал обжигать кожу. – Снять его?

– Другие варианты есть?

«Необходимо пройти по дорожке, что идет между колодцем и деревом...» – вспомнил сидящий у ограды Вим.

Он не видел амулет, но ощущение было таким, словно камень раскалится докрасна.

– Я иду вперед.

И понял, что сделать это не так-то просто. Руки, ноги... все тело вдруг стало легким, невесомым и непослушным. Дорадо превратился в воздушный шарик. Он не чувствовал тяжести, ограничения свободы, но едва-едва владел собой. Каждое движение требовало невероятных усилий. Попробуйте схватить пушинку, попробуйте бросить ее, попробуйте ею стать.

Но была боль от обжигающе горячего амулета. И эта боль заставляла Вима бороться.

Короткий шаг. Еще один, чуть длиннее. Затем еще... Дорадо не оглядывался по сторонам, не следил за обстановкой вокруг – для этого у него попросту не было сил. Он полностью сосредоточился на том, чтобы достичь дорожки. Еще шаг. Еще! Вим рухнул на теплый бетон, с наслаждением почувствовав, что тело вернуло привычную тяжесть.

– Ни хрена себе!

– Что у тебя? Почему молчал?

– Потом расскажу!

– Амулет выбросил?

– Нет.

«Предмет А» остыл мгновенно. Стоило Дорадо оказаться на дорожке, как камень молниеносно стал холодным, и лишь саднил нанесенный им ожог.

«Пройти мимо дерева и колодца? Ну-ну...»

Вим вскочил на ноги.

– Я иду к дому.

– Ты отстал от графика, – предупредил Сорок Два. – И у нас появилась проблема.

– Какая?

– Из Мюнхена вылетел вертолет. Держит курс прямо на нас. Возможно, это совпадение...

- Сколько ему лететь? – оборвал напарника Вим.
- Не меньше двадцати минут.
- Успею!

Как и обещала инструкция, дорожка вывела Дорадо к задней двери дома.

- Входи!
- Она открыта!
- Упс!

Прервать задание? Инструкция Кодацци ничего не говорила об открытых или закрытых дверях, но при чем здесь инструкция? Элементарная логика: если хозяин уединенно расположенной виллы надолго уехал, он наверняка закроет все двери. Почему приоткрыта задняя?

Пистолеты сами скользнули в руки.

«Входить или нет?»

- Девятка, вертолет... – напомнил Сорок Два.
- А что вокруг?

– Не знаю, – не часто услышишь такой ответ от Сорок Два. – Охранная система дома не имеет выхода в сеть, я не могу к ней подключиться.

- Похоже, нас опередили.
- Отступаем?

Но Вим уже вошел в дом.

– Докладывает поисковая группа! Мы обнаружили «Пост Три»! Все офицеры убиты! Повторяю: все офицеры убиты выстрелами в голову!

В голосе полицейского проскользнули панические нотки.

Да уж, не спецназовец. Испугался обычной нештатной ситуации. Впрочем, это Хамад может назвать происходящее «обычным», а сообщивший о смерти друзей парень, вполне возможно, еще вчера пил с погибшими чай или играл в нарды.

– Общая тревога! – быстро произнес Аль-Гамби и посмотрел на пилота.

– Двадцать минут. – Летчик и так делал все, что мог, выжимая из машины максимум скорости. – Быстрее не успеем.

– Спецназ – двадцать минут. Убиты трое полицейских. Открывать огонь без предупреждения.

– Мы готовы, Хамад.

Переключение на Мюнхен, на центр оперативного управления Европола.

– Говорит майор Аль-Гамби, директива 1224, мне срочно необходима поддержка! – Времени на любезности не было. – Три вертолета для поиска с воздуха и не меньше пятидесяти человек для прочесывания местности! Пришлите сюда весь спецназ, что у вас есть!

Хамад сжал кулаки:

«Ты меня опередил, гаденыш, но уйти тебе я не дам!»

Вышедший на опушку человек казался образцом спокойствия и деловитости. Комбинезон армейского образца делал его фигуру расплывчатой, мешал ее с красками осеннего леса, не поймешь – мужчина или женщина? Лицо скрывает наномаска, на руках – тонкие кожаные перчатки. Маленький ранец на спине, длинный сверток в левой руке, движения аккуратны и точны.

Оказавшись на опушке, человек присел у толстого дуба, размотал сверток, освободив от камуфляжной ткани дальнобойную «узала», по мнению многих – лучшую снайперскую винтовку в мире, – расправил сошки, залег, привычным движением слившись с оружием, и внимательно посмотрел в прицел.

Перед ним как на ладони лежала западная сторона поместья Банума.

Один «браунинг» смотрит в глубь дома, второй – на дверь, через которую только что прошел dd. Картинка перед глазами слегка размыта, ибо все внимание Вима переключилось на звуки. В подобных ситуациях, ожидая нападения в незнакомом помещении или полной темноте, Дорадо предпочитал ориентироваться на слух. На свой абсолютный музыкальный слух. Он сосредоточивался, иногда даже полностью закрывал глаза и рисовал окружающую картину ушами: едва уловимый стук шагов, шуршание одежды, шорох прижавшегося к стене тела... Уловив подозрительный звук, немедленно разворачивал тело в нужную сторону и открывал огонь. Во время тренировок в полной темноте Дорадо выбивал восемь из десяти – вполне приемлемо. Однако сейчас он предпочел закрыть глаза не полностью, а потому какая-то картинка была. Размытая, но тем не менее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.